

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ

ВДОВА

Выстрел в горячее сердце

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ ВДОВА

Черная вдова Марина Коваль

Марина Крамер

**Черная вдова. Выстрел
в горячее сердце**

«Марина Крамер»

2009

Крамер М.

Черная вдова. Выстрел в горячее сердце / М. Крамер — «Марина Крамер», 2009 — (Черная вдова Марина Коваль)

ISBN 978-5-699-33701-9

Похоронив любовь всей жизни – мужа Егора Малышева, глава криминальной группировки Марина Коваль не отошла от дел. Бизнес и мафиозные разборки порой разрывают на части. Да и подполковник Александр Ромашин, расследующий заказное убийство мужа, не оставляет в покое. Неожиданно для всех Ромашин завоевывает сердце неприступной Наковальни. «Смотрящий» города Гриша Бес в бешенстве: его первая помощница связалась с ментом! Не бывать этому никогда...

ISBN 978-5-699-33701-9

© Крамер М., 2009
© Марина Крамер, 2009

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Марина Крамер

Черная вдова. Выстрел в горячее сердце

Часть I

Мент

... Ни бодрствую, ни сплю, —
и так проходит ночь...
настанет же рассвет —
весенний долгий дождь
и думы о тебе...

Эти навязчивые строки постоянно отдаются в мозгу, мешая жить, изнуряя, заставляя снова и снова возвращаться в тот день, заново переживать случившееся. Два месяца прошло, а все не отпускает никак, не становится легче, не забывается. И так тянет туда, на кладбище, где под черной плитой лежит тот, ради кого была вся жизнь...

— Даша, что ты там делаешь? — Марина вошла в каминную и с удивлением обнаружила, что домработница выставила из бара все бутылки и теперь пытается расположить их в каком-то только ей ведомом порядке.

Отбросив со лба светлую кудряшку, круглолицая, улыбчивая Даша повернулась к хозяйке:

— Убрать тут решила, Марина Викторовна, столько бутылок скопилось — ужас!

— Радоваться должна, что их много и все полные, — буркнула Коваль, беря со столика пачку сигарет и отправляясь в спальню, на балкон.

Она совсем прекратила прикасаться к спиртному — боялась, что затянет, и тогда точно не выкарабкаться. Именно поэтому в баре скопилось столько разнообразных бутылок с напитками. Марина дала себе слово не упасть до той черты, после которой начинается *ничто*, и держалась, хотя порой ей хотелось махнуть рукой на все и заглушить разрывающую сердце боль с помощью испытанного средства — бутылки текилы.

В такие моменты она запирала бар на ключ и отдавала его домработнице, под угрозой увольнения запрещая Даше возвращать его. Привычная ко всему Дарья не удивлялась — знала, как легко молодая хозяйка срывается и выключает себя из жизни на неопределенный срок. Сейчас, когда после гибели Егора Сергеевича прошло два месяца, Даша уже меньше переживала, наблюдая за тем, как Марина старается держать себя в руках. Да и Хохол не давал ей слишком уж задумываться и погружаться в свое горе. И было еще кое-что...

Апрель никогда раньше не казался таким монотонным и тягостным. Завтра с Кипра возвращается футбольная команда, а Марине до этого не было никакого дела, даже неинтересно, как они там сыграли, с кем... Ничего не хотелось, все надоело...

Телефон звонит, а трубку снять лень, все равно это кто-то неважный и ненужный. Но упертый зато — трезвонит и трезвонит!

— Да!

— Здравствуй, Марина...

«Черт тебя поberi – опять надоедливый мент, достал уже! Как только ухитряется так быстро добывать постоянно меняющийся номер мобильного – непонятно! Пользуется служебным положением, что ли?»

– Чего тебе опять, Ромашин? – устало ответила Коваль, заранее зная, чего – сейчас встречу назначать будет, заколебал!

– Ты будешь сегодня в городе?

– А может, я уже там?

– Я стою напротив твоего офиса, и тебя здесь точно нет. Так что?

– Слушай, самому-то не надоело еще? Как мне от тебя отделаться, скажи? Каким волшебным словом? Тем, что на три буквы? – Она закурила сигарету и закинула ногу на перила балкона.

– Зачем ты так? – немного обиделся подполковник. – Я соскучился.

– Вот бы мне твои проблемы, а? – позавидовала Марина, покачиваясь в кресле. – Мне совсем скучать некогда.

– Так я увижу тебя сегодня? – настаивал он, и она усмехнулась:

– А ты телевизор включи вечером – там обязательно что-то обо мне будет! Ведь знаешь, что от меня журналисты уже третий месяц не отлипают, как и ты, впрочем.

Со дня гибели мужа ей просто прохода не давали, особенно когда вскрылось, что никакой это не московский строитель Грищенко погиб от выстрела в висок, а сам Егор Сергеевич Малышев, считавшийся давно погибшим. «Восстановлена справедливость!» – так об этом сказал один борзый журналист в «Криминале»... Правда, через два дня он почему-то закрылся в своем гараже и угорел в машине, надышавшись выхлопными газами... непонятно, что ж он так неосторожно...

– Марина, ты сама-то не устала корчить из себя неизвестно кого? – поинтересовался тем временем Ромашин. – Ведь я знаю, что ты совсем не такая...

– Да, я знаю, что я в принципе ангел... наверно, – усмехнувшись, проговорила она. – Только вот крылья мне как-то один человек вырвал с кровью и макнул меня потом в чан с дерьмом, чтоб не сильно гордилась. Так что теперь я именно то, чем выгляжу.

– Неправда. Тебе просто нравится думать о себе в подобном свете, вот ты и думаешь, и других еще заставляешь.

– Так не думай обо мне – в чем проблема-то?

– Легко тебе говорить, – вздохнул он. – Приезжай ко мне...

– Куда?! – поразились Коваль такой наглости. – В управу, что ли? Это еще зачем?

– Зачем... затем, что я хочу увидеть тебя.

– Ты точно больной, Ромашин! Как медкомиссию-то обошел, скажи? В ментовку психов не берут.

– Мне исключение сделали...

– Повезло, – Марина выбросила окурочек, перекинула ногу на ногу, устраиваясь удобнее. – У тебя все?

– Ты не ответила.

– А была должна?

– Марина, я ведь не мальчик, а ты заставляешь меня валяться в ногах, вымаливая возможность увидеть тебя, – тихо и грустно проговорил Ромашин.

– Саша, ты волен делать все, что хочешь. Я не принуждаю тебя ни к чему – ты сам хочешь этого. Давай прекратим бесполезный разговор, – попросила она. – Счастливого тебе, – и положила трубку, отключив телефон.

Бедолага Ромашин потерял голову в тот самый момент, когда увидел ее впервые, в тот самый день, когда погиб ее муж. Подполковник места себе не находил и был рад тому обстоя-

тельству, что лично контролирует дело, это давало ему возможность видеть поразившую его женщину. Разумеется, Ромашин отдавал себе отчет в том, кто она и чем занимается, как и понимал то, что вряд ли она станет общаться с ним по поводам, не имеющим отношения к расследованию гибели ее мужа. Но образ Марины преследовал подполковника, заставлял постоянно вспоминать ее, сидевшую в кресле посреди огромного зала казино, ее бескровное лицо, на котором ярко и непристойно выделялись накрашенные алой помадой губы. Кто угодно выглядел бы вульгарно в таком виде, но не она – ей удивительно шло все это, и траурные одежды, и вызывающе-кровавые губы.

Ромашин был поражен тем, насколько хорошо она владела собой – только что лежала на крыльце, рыдая и не видя никого вокруг, и вот буквально через десять минут сидит собранная и почти спокойно отвечает на вопросы, только курит много. Он не мог заставить себя не смотреть на нее, и тогда она, подняв покрасневшие глаза, сказала ему что-то – он даже не понял, что именно, но взгляд отвел.

Через неделю после похорон Грищенко-Малышева подполковник приехал в «Парадиз». Его долго не впускала охрана, которая никак не могла в толк взять, что хочет от хозяйки переодетый в штатское начальник городской милиции. Да он и сам не мог внятно это объяснить, но потом нашелся:

– У меня есть одна вещь, принадлежащая госпоже Коваль, я должен вернуть ее, – и Кот впустил его.

Марина сначала не могла понять, кто это вообще такой, она и видела-то его полтора раза за все время, и фамилия его ей ни о чем не говорила. Только когда он вошел в кабинет, где Коваль сидела с чашкой чая, забросив по привычке на стол ноги, до нее и дошло, кто это.

– Чем обязана, господин подполковник? – холодно поинтересовалась Марина.

– Я приехал, чтобы вернуть вам это... – смущенно пробормотал он, теряясь под пристальным взглядом, и протянул ей раскрытую ладонь, на которой лежала подвеска, тот самый черный бриллиант, что спас жизнь Коваль и отнял ее у Егора. – Я подумал, что вам дорога эта вещь...

В синих глазах плеснул ужас, Марина даже отшатнулась от протянутой в ее сторону руки, но потом сумела прийти в себя.

– Мне это не нужно! – отрезала она, хватая сигарету. – Можете оставить себе. Если это – все, то можете быть свободны.

– Простите... я не хотел... – еще сильнее смутился подполковник, покраснев, как пацан.

Марине вдруг стало стыдно – чем перед ней виноват этот приятный на вид человек: тем, что решил вернуть безделушку, не подозревая, как ей больно ее видеть?

– Хотите кофе, господин подполковник? – произнесла она, стараясь сгладить свою резкость, и увидела в его глазах промелькнувшую радость.

– Если можно...

– Даша! – заорала Марина, и Ромашин вздрогнул от неожиданности. – Кофе свари, пожалуйста! Присаживайтесь, – указала рукой на кресло напротив.

Он осторожно опустился в кресло, не сводя с нее глаз.

– Что-то не так? – спросила она, устав от этого взгляда.

– Что? Нет-нет, просто... Сколько вам лет, Марина Викторовна? – вдруг спросил он и испугался собственной смелости. – Простите. Можете не отвечать – я ляпнул глупость...

– Тридцать четыре, – спокойно ответила она. – Я никогда не скрываю свой возраст.

– Совсем молодая...

– Для чего?

– Для всего, что вам пришлось пережить.

– Я привыкла.

Даша принесла кофе на подносике, поставила перед подполковником, забрала у хозяйки пустую чашку.

– Что-нибудь еще, Марина Викторовна?

– Нет, спасибо, Даша, можешь идти.

Воцарилось молчание. Коваль курила, Ромашин пил кофе, исподтишка разглядывая ее. Марина тоже изучала гостя.

«Видный мужичок, надо признать, жалко только, что блондин и мент. Но наружность вполне приятная и располагающая. Женат, вон кольцо на пальце, и дети есть, наверное».

– У вас есть дети, господин подполковник? – спросила Коваль, и он ответил честно:

– Есть, два сына, но они уже взрослые. Можно мне называть вас по имени?

– Пожалуйста, – пожала она плечами.

– И вы тоже зовите меня по имени, хорошо? Меня зовут Александром.

Внезапно он встал и, подойдя к ней вплотную, взял руку и поднес к губам:

– Простите... Марина, я не должен делать этого, вам сейчас не до того, но нет сил удержаться – я голову потерял с тех пор, как увидел вас в казино...

– Идите вон, господин Ромашин! – негромко, но очень зло и отчетливо произнесла Коваль.

Он пошел к двери и обернулся на пороге:

– Простите...

Когда он ушел, на Марину вдруг напал приступ истерического хохота, и она покатывалась до тех пор, пока не пришел Женька, телохранитель недремлющий:

– Что с тобой?

– Ты не поверишь – у меня сейчас был начальник ГУВД, на колени падал! – она снова скорчилась от приступа смеха. – Я не могу – почему мужики такие уроды и придурки? Что вам всем вокруг меня – медом, что ли, намазано?

– Погоди... – перебил Хохол. – Он к тебе приставал, что ли?

– Не хватало еще! Я – и с ментом?! Западло, Женька!

Если бы кто-то сказал ей, что ровно через два месяца она окажется в постели с этим самым ментом, пришла бы в ярость...

Боль – она черного цвета, обволакивающая и ласкающая. Коваль осознала это на кладбище, приехав на сорок дней к мужу. И мрамор памятника не казался ей больше холодным, и место это не вызывало отрицательных эмоций, скорее – наоборот. Марина прижималась лицом к плите, чувствуя, как она теплеет от этого, как будто Егор отвечает жене. И традиционные белые розы не казались больше чем-то печальным – просто цветы, которые так любил муж... Наверное, все ее эмоции выплеснулись в тот раз, когда Егор инсценировал свою гибель, Коваль пережила шок тогда, два года назад, а сейчас приняла все как очередной удар судьбы.

Хохол был единственным, кого утомляли эти поездки на кладбище – он не мог простить Малышу того, что он отнял Марину, и теперь она не подпускает его к себе. И вообще обходится без мужиков, что для нее равносильно подвигу. И с так идиотски забеременевшей Веткой никаких отношений она тоже не поддерживала, игнорируя ее. Да и сама ведьма со дня похорон Егора не звонила и не приезжала, жила у себя, а Маринин племянник Колька регулярно навещался к ней и сообщал тетке последние новости. Как ни странно, он был не в курсе Веткиной беременности, хотя не исключено, что мог быть ее причиной. Почему та не говорила – Коваль не понимала.

Сегодня, после посещения кладбища, Марина вдруг решила навестить подругу, но, когда сказала об этом Хохлу, тот взвился:

– Опять началось?!

– Тебя это не касается, – совершенно спокойно ответила Коваль, вставая с лавки и собираясь уходить. – Отойдите все, дайте с мужем попрощаться.

Охрана отошла метров на десять и встала спиной к хозяйке, а та снова прижалась лицом к черной мраморной плите и прошептала:

– Пока, Малыш... я скоро приеду опять, ты меня жди, хорошо? И помни – я люблю тебя, родной...

Отряхнув перчатку от рыхлого снега, который здесь еще лежал, Марина вышла из оградки и пошла к машине. Усевшись на заднее сиденье рядом с мрачным Хохлом, она велела водителю ехать в город, в центр, где жила подруга.

– Поедем домой! – попросил Хохол, но Коваль отрицательно покачала головой:

– Нет, мне надо к Ветке. Ты стал слишком много позволять себе, Женя, мне это не нравится.

– Мне тоже не нравится кое-что, – буркнул Хохол. – Например, то, что ты все время от меня бегаешь. Я что – совсем чужой тебе?

– Нет. Но больше ничего не будет.

– Почему?

– Не хочу.

Он замолчал и отвернулся, глядя в окно. Марина не обольщалась, что он поверил ей, но сказала то, что чувствовала – не хотела она его больше, все кончилось, перегорело. Если бы вдруг Хохол решил уйти, она расстроилась бы, но только потому, что привыкла к его присутствию, к тому, что он всегда мог защитить. Но не более того.

...Ветки дома не оказалось, где ее черти носили – непонятно, но, значит, не судьба сегодня перемирие устраивать.

– Тебе повезло, – хохотнула Коваль, возвращаясь в машину и глядя на Хохла.

– Это не мое дело, – угрюмо бросил он.

– Вот спасибо!

Дома ожидал сюрприз – повестка из прокуратуры. Дело об убийстве мужа, конечно, завели, но на успех в милиции особо не надеялись – не раскрываются такие дела... И каждый понимал, что Коваль сама куда быстрее найдет и накажет исполнителей и заказчиков, чем это сделает прокуратура и милиция, поэтому никто слишком уж землю не рыл, так – для видимости. Но завтра ехать все же придется. Марина весь остаток дня провела в постели, читала какую-то ерунду и запивала ее зеленым чаем. Даже Хохол, привыкший к тому, что после кладбища она непременно напивается в дрова, был шокирован – Коваль не попросила принести текилу, только чай.

– Ты не заболела? – Он пощупал лоб, и Марина улыбнулась:

– Странно видеть меня трезвой?

– Ты никогда не изменяешь своим привычкам, а сегодня...

– А сегодня не хочу. Устала. Полежи со мной, – попросила она неожиданно для самой себя, да и для него тоже.

Женька прилег на край кровати, но Коваль притянула его ближе к себе, подергала за майку:

– Ты не знаешь, что я терпеть не могу одетых мужиков в своей постели?

– Тебя не поймешь – то не подходи, то раздевайся, – пробормотал он, снимая майку и спортивные брюки. – Иди ко мне, – он обнял ее, но Марина, отстранившись немного, негромко сказала:

– Женя, я не шутила.

– Я понял. Но обнять тебя я могу?

– Можешь. Можешь даже остаться у меня, но предупреждаю – если что, не жалуйся потом!

– Не волнуйся, цела будешь...

Как же она всю ночь хотела его, кто бы знал... Но она дала себе слово, что этого больше не будет, и сдержит.

Визит в прокуратуру шокировал – вместо следователя в кабинете ожидал начальник ГУВД.

– Что вы делаете здесь, господин подполковник?

– Жду вас, – честно ответил Ромашин, отодвигая ей стул.

– Зачем?

– Хотел увидеть.

– Странный способ вы нашли, – заметила Коваль.

– Но ведь по-другому вы не согласились бы, – резонно откликнулся он.

– И что будет дальше? – поинтересовалась Марина, вынимая сигареты.

– А чего бы вам хотелось?

– Мне?! От вас?!

– Вы делите мир на ментов и правильных людей, да, Марина Викторовна? – усмехнулся Ромашин. – Иначе откуда такой сарказм в голосе?

Она смотрела ему прямо в глаза и улыбалась, а внутри все почему-то вздрагивало. Чем-то неуловимым этот мент напоминал ей погибшего мужа. Ромашин оказался изобретательным – он взял ее за руку и поднял со стула, притягивая к себе:

– Поедем ко мне, девочка... поедем, я не могу здесь... с тобой нельзя так, ты же совсем другого уровня женщина... поедем, Мариша... – Он словно не замечал, что невольно перешел на «ты», и она тоже не заметила этого.

Не понимая, что нашло на нее, Коваль спокойно дала увести себя из кабинета, вывести через пожарный выход во внутренний двор и посадить в припаркованную там «Волгу».

– Охрана с ума сойдет... Куда мы едем? – пробормотала она.

– Ко мне на дачу.

– Ты спятил, да? Ты хоть понимаешь, что сейчас происходит? – спросила Марина, глядя на его решительное лицо.

– Конечно – я везу к себе женщину, которая лишила меня сна и желания работать. – Подполковник улыбнулся, довольный таким поворотом событий.

Он приготовился услышать от нее что угодно, приготовился даже к тому, что она ударит его, начнет кричать... Но Коваль сидела в его машине абсолютно спокойная, только про охрану вот вспомнила.

– Нет, Ромашин, ты на это с другой стороны посмотри – подполковник, мент, начальник городской управы, везет к себе бандитку...

– Не наговаривай на себя! – отрезал он, сворачивая на проселок. – Мне все равно, кем ты себя считаешь.

– Так это не я – это твои братья по классу! – засмеялась Коваль, положив свою руку на его, сжимающую руль, и Ромашин вздрогнул от прикосновения прохладной кожаной перчатки.

Дача оказалась на уровне – двухэтажный коттедж, в котором и зимой было неплохо. Ромашин быстро затопил камин, подвинув Марине кресло.

– Не замерзла? Сейчас быстро тепло станет, здесь вообще всегда тепло. Хочешь коньячку? – предложил он, положив руки ей на плечи.

– Не хочу.

– А я бы выпил...

– Нервничаешь?

– Есть немного, – признался Ромашин, осторожно наматывая на палец прядь черных волос. – Ты думаешь, мне было легко решиться?

– Решился ведь, – пожала она плечами.

Он обошел кресло, в котором Марина сидела, опустился на пол и уткнулся лицом в ее колени:

– Если бы ты знала, что творится сейчас у меня в душе...

– Я не хочу знать этого – мне и своего хватает. – Она опустила руку на его голову, прикоснулась к волосам, и он поднял глаза:

– Если ты сейчас скажешь, я отвезу тебя домой...

– Что, передумал? – улыбнулась Коваль, погладив его по щеке.

– Как я могу передумать? Но ведь и заставить тебя я тоже не могу... если ты не хочешь, ничего не будет.

– Тогда зачем ты замутил все это?

– Уже не знаю...

– Хочешь, скажу? – Она наклонилась к его лицу близко-близко и зашептала: – Потому что тебе до смерти захотелось узнать, что же во мне такого, что заставляет тебя постоянно обо мне думать... Пойдем, Саша, я покажу тебе все, что ты хочешь...

Он подхватил ее на руки и понес в спальню, на кованую кровать, осторожно раздел и замер, глядя.

– Господи...

– И что такого ты увидел, что повергло тебя в ступор? – поинтересовалась Коваль, ложась на бок.

– Тебя...

– Иди ко мне...

Он долго лежал рядом, боясь прикоснуться, только гладил пальцами лицо. Марине было странно наблюдать за подобной нерешительностью – обычно мужики сразу знали, что и как.

– Можно, я поцелую тебя?

– Саша, ты такой смешной – я лежу перед тобой совершенно голая, а ты спрашиваешь разрешения поцеловать меня...

– Я боюсь, что ты исчезнешь, если я к тебе прикоснусь.

– Если бы я собиралась исчезнуть, я изначально не поехала бы – к чему такие сложности? – Она перевернулась на живот и поцеловала его грудь, едва коснувшись губами. – Ты же видишь – я здесь, с тобой...

Это было странно – взрослый мужчина вел себя как подросток, впервые оказавшийся в постели с женщиной. Он долго изучал ее, прежде чем войти, целовал и гладил так нежно, что Марине почему-то хотелось плакать – таким иногда бывал Егор... Когда же она, заплакав все-таки, упала лицом в подушку, он изумленно повернул к себе ее голову и, поцеловав в губы, спросил:

– Что с тобой, Мариша? Я сделал что-то не так?

– Нет, Саша... – всхлипнула она. – Дело не в тебе... я не могу привыкнуть к тому, что теперь я на самом деле одна... понимаешь – я отвыкла быть одна...

– Ты не одна – я с тобой, – целуя ее снова, проговорил он.

– Ты не со мной – у тебя жена и дети.

– Это неважно. Я никогда не видел такой женщины, как ты.

– Да таких, как я, вообще редко кто видел, – усмехнулась Коваль, вытирая глаза. – И одни проблемы от этого.

– Не говори так, – попросил он, взяв ее лицо в свои ладони. – Не могу слушать. Я все готов сделать для тебя, все, что ты захочешь. Только будь со мной.

– Ты спятил, Саша, – это ведь абсолютно невозможно, подумай о своей карьере, которая рухнет под откос сразу, как только станет известно о нашей связи. А известно станет очень быстро, поверь мне, – все, что связано со мной, попадает на первые полосы и на все местные телеканалы.

– Мне все равно. Это только мое дело – с кем спать.

– Тебе так кажется потому, что мы с тобой сейчас лежим в твоём доме, и никто не знает об этом. Но все изменится, поверь мне, когда это выплывет наружу, – сказала Коваль, дотягиваясь до пачки сигарет на тумбочке. – Ты начнешь винить меня в своих неудачах и неприятностях, а я терпеть этого не могу.

– Ты считаешь меня ничтожеством, не способным отстоять свое право на любовь?

– А я разве говорила о любви? Я говорила о твоей карьере, о работе, о том, чего ты лишишься из-за меня.

– А теперь послушай меня, – перебил Ромашин, отнимая у нее сигарету и делая глубокую затяжку. – Мне сорок два года, я давно работаю в милиции, у меня есть определенная репутация. В конце концов, существует такое понятие, как развод, – делить нечего, дети взрослые, учатся, жена – предприниматель, у нее своя сеть магазинов, и уже давно она зарабатывает больше меня, так что ничего не потеряет. А ты... да будь ты четырежды судимая квартирная воровка, я все равно не отступился бы. Я целый месяц с ума сходил, думая о тебе, о том, как набраться смелости и прикоснуться к тебе, просто заговорить. Я понимаю, ты не только обо мне, ты и о себе тоже думаешь, ведь и тебя связь с ментом не украсит в глазах твоих бойцов и всех остальных... Но, Мариша, подумай о том, что мы могли бы и не афишировать ее – ведь сегодня нам с тобой удалось. Так что мешает и в дальнейшем поступать так же? – Он привлек ее к себе, обнял, прижимая голову к груди. – Я не могу отказаться от тебя, ни за что не сделаю этого – ты нужна мне.

– Зачем?

– А может, я влюбился?

– Это глупо, Саша. – Коваль попыталась встать, но он не выпустил, прижав еще сильнее:

– Не уходи... побудь со мной немного еще, потом я отвезу тебя... пожалуйста...

Она осталась... Они занимались любовью почти до самого вечера, уже стемнело, и Марина отчетливо представила, как сейчас психует Хохол, сидя в «Хаммере» возле здания прокуратуры. Ее нет полдня, за это время можно в тюрьму сесть, а не то что со следователем побеседовать. Да и черт с ним, с Хохлом, – она имела право на свою личную жизнь, никак не связанную с ним. Однако благоразумие взяло верх над полученными эмоциями, и Марина приподнялась на локте, коротко глянула на блаженно растянувшегося в постели Ромашина:

– Саша, мне пора...

– Я не хочу отпускать тебя, – признался он, обнимая ее и пряча лицо на груди. – Может, останемся? Завтра суббота, и все выходные мы могли бы провести здесь...

– Не гоните лошадей, господин подполковник! – засмеялась Коваль. – Если сегодня я не выйду из здания городской прокуратуры, в этом городе произойдет всплеск криминала – мой телохранитель парень безголовый во всем, что касается меня, не остановится, пока не найдет.

– Твой телохранитель – Евгений Влащенко, Жека Хохол? – спросил Ромашин, поглаживая ее по затылку под волосами.

– Да.

– Я его знаю.

– Его только ленивый не знает, – фыркнула Коваль.

Это не было преувеличением – репутация и известность у ее охранника и по совместительству любовника была та еще...

– Нет, я не о том – я работал в райотделе, когда его задержали во второй раз. Видишь? – Он показал длинный тонкий шрам на правом боку. – Это его знаменитая финка, я успел среагировать, и лезвие только кожу рассекло, а иначе...

– А иначе тебя бы уже похоронили. Я это знаю – Женька владеет финкой, как я вилкой, – спокойно продолжила Марина, чуть коснувшись шрама пальцем.

– Собственно, ему за это и накрутили, там вообще-то ерунда была, но он ведь уже был судим, да плюс нападение на сотрудника, – закончил Ромашин, не переставая поглаживать ее.

«Да-а, вот-то Хохол обрадуется, если узнает, с кем кувыркалась в постели его дорогая Коваль... Представляю его рожу и монолог...»

– Знаешь, жизнь такая странная, – произнесла Марина, закрыв глаза и прислушиваясь к движениям его пальцев, ласкающих ее. – Кто бы сказал, что я добровольно лягу в постель с ментом после всего, что мне пришлось перетерпеть от твоих собратьев, – я не поверила бы. Но, Саша, скажу тебе честно – мне было с тобой очень хорошо. Я вообще-то не такой секс люблю, но то, что сегодня произошло, было замечательно. А сейчас давай собираться, мне действительно пора.

...В машине он молчал, напряженно вглядываясь в темную дорогу, а Коваль дремала на заднем сиденье, утомившись за этот бесконечный, странный день. Сейчас вернется домой, упадет в джакузи с пенкой, будет лежать долго-долго...

...Не сбылось, к сожалению, – едва Марина показалась на крыльце закрытой уже прокуратуры, как к ней подскочил Хохол и заблажил во всю луженую глотку:

– Ты что же делаешь со мной, а?! Почему трубку не берешь?! – и Марина вспомнила, что убрала звук у телефона, чтобы не отвлекал.

– Не ори – не дома! – отрезала она, перейдя в нападение, чтобы заставить его замолчать. – Звук убрала – я ж на допросе!

– Да за это время можно расколоть любого в «несознанке», а не то что показания снять со свидетеля! Кому ты лепишь?! – не прекращал орать Хохол, схватив ее за рукав.

– Убери руки! – приказала Коваль негромко. – Забылся, урод?

– Урод?! Быстро! – отпустив ее руку, проговорил он с обидой. – Быстро ты забываешь все, что было, Коваль.

Он повернулся и пошел к машине, а Марина так и осталась стоять на крыльце. Повернув немного голову, заметила выезжающую из внутреннего двора прокуратуры белую «Волгу».

– Марина Викторовна, вы домой или ужинать? – спросил подошедший Сева, и Коваль очнулась:

– А? Нет, не хочу ужинать, устала.

Хохол демонстративно сел во второй джип, чтобы дать понять, что Марина перегнула палку, но ей это было безразлично.

Она выпрыгнула из машины во дворе дома и бегом помчалась в спальню, на ходу скидывая вещи:

– Даша, убери, пожалуйста, я в душ!

Встав под воду, она немного расслабилась и успокоилась, взяла губку и гель, стала медленно водить по телу, вспоминая все, что произошло сегодня. Марина вдруг посмотрела на ситуацию чужими глазами – она улеглась в постель к совершенно незнакомому мужику всего через сорок дней после гибели мужа... Кто она после этого? Есть вполне конкретное название, и это определение не могло обрадовать. А самое главное, сейчас ее мучило только одно – то, что он мент... Нельзя при ее образе жизни связывать себя отношениями с ментом, хоть тресни – нельзя, тот же Бес сгнобит за это, да и собственные пацаны не будут в восторге. Но его лицо, руки, губы – все это стояло перед глазами, и еще то, как он называл ее... Егор крайне редко звал жену по имени, у него всегда в запасе было великое множество ласковых словечек. Да и

вообще, кроме отца и иногда племянника, никто, кажется, уже и не помнил, как ее зовут, все Наковальня да Коваль – как вариант. И это ментовское «Мариша» было таким непривычным и странным, словно не о ней. Коваль со вздохом выключила воду и, завернувшись в халат, встряхнула мокрые волосы. В спальне было прохладно, она чуть повернула регулятор на батарее и растянулась на кровати, прихватив любимую книжку с собранием древнеяпонских танка.

«Я знаю себя.
Что ты виною всему,
Не думаю я.
Лицо выражает укор,
Но влажен рукав от слез»...

Телефон зажужжал, крутясь на тумбочке, – Марина так и не включила звук, забыла просто. Номер был незнаком, она поколебалась, отвечать или нет, но потом решила – а вдруг кто-то нужный:

– Да.

– У тебя все в порядке? – раздался в трубке голос Ромашина.

– Откуда у тебя мой номер?

– Ты забыла, что я какой-никакой, а милиционер? – усмехнулся он. – Так все нормально, проблем нет?

– Нормально.

– Ты не обиделась? Я посмотрел на всю ситуацию со стороны – выглядит ужасно. Я воспользовался своим положением и властью...

– Саша, я тебя умоляю! – засмеялась Коваль. – Я никогда не делаю того, чего не хочу.

– Когда я тебя снова увижу?

– Не знаю. Возможно, никогда.

– Это ты серьезно?

– Подумай о себе – я не хочу доставлять тебе неприятности, мне и так достаточно вины по этой жизни... Я стала причиной гибели собственного мужа, еще многих людей – хватит с меня. Прощай, Ромашин, не звони мне больше.

– погоди, Мариша! – взмолился он. – Прошу тебя, еще только секунду побудь со мной – я не боюсь неприятностей, я ведь сказал тебе...

– Саша, давай не будем продлевать мучения – чем дольше мы будем общаться, тем больше станет, я не хочу, я устала... Прощай.

Марина, отключив трубку, бросила ее на постель и неожиданно для себя заплакала.

– Почему я опять должна страдать и мучиться, почему не успокоиться и не жить спокойно и без проблем? – пробормотала она, пряча лицо в подушку.

Марина прекрасно понимала, что эта связь не приведет ни к чему хорошему, ведь даже встретиться нормально они вряд ли смогут – кто он и кто она!

Остается сцепить зубы и подождать, пока все пройдет само, а Ромашин, поняв невозможность этой связи, отступится.

Это оказалось проблематично. Он никак не хотел успокаиваться, звонил постоянно. Марина не успевала менять номера мобильного, подполковник моментально узнавал новый и опять звонил. Это продолжалось целый месяц, и вот сегодня Ромашин опять вызвонил ее. Марина грубила, как могла, но ему это было безразлично.

– Хохол! – заблажила она на весь дом. – Иди сюда!

– Я уже здесь, если ты вдруг оглянешься, – раздалось за спиной. – Не замерзла на балконе-то?

– Нет. Слушай, мне надо номер сменить... – начала Марина, поворачиваясь.

– Опять?! Меня уже в телефонной компании в лицо узнают – я там постоянный клиент! Ты мне объясни – что происходит? – попросил он, садясь на перила и доставая сигарету. – Месяц уже мозги мне паришь, скрываешь что-то, темнишь... И выглядишь странно как-то – грустная все время и о чем-то думаешь, думаешь...

– Женья, а с чего мне веселиться-то? Если ты вдруг подзабыл, то я вдова.

– Ты вдова уже давно, и это тебе не мешало.

– Это ты сейчас о чем? – подозрительно спросила Коваль, внимательно глядя на телохранителя.

– Да о том, что тебя совсем перестали интересовать мужики, моя ты дорогая, – ехидно отозвался Хохол, затягиваясь и выпуская дым колечками. – И это очень странно – с твоим-то темпераментом...

– Не думала, что в обязанности телохранителя входит контроль за моей интимной жизнью! – фыркнула она.

– А я ведь не просто телохранитель, ты это помнишь?.. – вкрадчиво прошептал он, спрыгивая с перил и подходя к ней. Его ручки легли на плечи, прижав к спинке кресла, губы приблизились, жадно захватывая Маринины. Женька легко подхватил ее и понес в спальню, несмотря на сопротивление, сломить которое ему особого труда не составляло.

– Отпусти меня! – завизжала Марина, едва только ее рот оказался свободным, но у Хохла было на этот счет совсем другое мнение:

– Разумеется, я тебя отпущу, конечно, даже базара нет на эту тему, но это будет позже, да? Я так соскучился по тебе, а ты нет разве? Ну, не дергайся, все равно по-моему будет...

Есть же люди, которым проще отжаться, чем объяснить, почему не хочешь! Вот и Хохол такой...

– Сволочь! – Она со всей силы укусила его за плечо, но Женька только фыркнул, снова подмяв ее под себя и прижав руки к постели:

– Бесишься? Ну-ну, давай! Я ведь люблю, чтобы обламывать приходилось... – Его губы заскользили по груди, по животу. – Хочу еще...

– Отвали от меня! – Марина билась под ним, но это все было напрасно – сто десять килограммов, лежащие сверху, были недвижимы.

– Ох, какая же ты... – бормотал Хохол, не выпуская ее и переворачивая на живот, и Коваль застонала:

– Женья, не надо...

– Надо, моя родная, надо... скажи честно – ведь тогда, в прокуратуре, ты с кем-то загасилась? Я же тебя знаю, знаю, как глаза у тебя светятся, когда удалось... Ну, скажешь?

– Не мели ерунды!

– Да какая уж тут ерунда... и пахло от тебя мужиком, и в душ ты дома сразу рванула... – Он выговаривал это, а сам не переставал двигаться в ней, запустив в волосы руку и пытаясь повернуть ее голову к себе так, чтобы увидеть глаза, но Марина не давала, зажмурившись от боли. – Так не скажешь? Под мента легла, да, Коваль, а теперь признаться стыдно?

Она собрала остатки сил и вырвалась из-под него, оставив при этом на его руке приличный клочок волос:

– Что ты пристал?!

Женька невозмутимо вытянулся на постели, закинув руки за голову, и насмешливо посмотрел на нее:

– А что, это не так? Хочешь, скажу, под кого?

– Я же сказала – отвали, не было ничего! Черт, все волосы выдрал...

– Сама дернулась. Значит, говоришь, не было ничего? Тогда чего ж мы так часто номер у мобильного-то меняем? Я скажу – потому что только мент может так же быстро его добывать,

простому-то смертному это вряд ли удалось бы! Так что много ума не надо, чтобы понять, кто тебя в управе нашампурил.

– А ну-ка, убирайся отсюда! – рассвирепела Коваль, вскакивая. – Разлегся здесь, как у себя на шконке! И запомни – еще раз посмеешь меня тронуть, пожалеешь, что родился!

– В ментовку сдашь? – насмешливо спросил Хохол, но с места не сдвинулся. – Ништяк, дорогая, вот это будет тема!

– Сейчас другая тема будет, если не свалишь из моей спальни! – предупредила она, закуривая.

Хохол встал, подошел к ней, вынул из пальцев сигарету и, внимательно глядя Марине в глаза, затушил о свою грудь.

– И что? – стараясь не показать, как вдруг ей стало страшно, спросила Коваль.

– А то – не угрози мне, я мало чего боюсь.

И как был, голый, он вышел из спальни.

Марина опустилась на кровать и обхватила руками голову. Чертов Хохол теперь не отступится, пока точно не выяснит, кто и что, а ей это совсем не надо. Она еще не решила, будет ли продолжать отношения с Ромашиным, но и позволять Женьке контролировать свою личную жизнь тоже не собиралась.

Чтобы хоть как-то встряхнуться, решила съездить в офис и пообщаться с управляющим «Империей удачи». Барон дико злился на хозяйку за снос казино «Капуста», которое разметали бульдозерами вместе со всей имевшейся там техникой, автоматами, столами на следующий же день после случившегося. Марина решительно стерла все упоминания о месте, где так нелепо и глупо погиб ее муж.

– Нельзя же так, Марина Викторовна! – выговаривал Барон. – Столько денег псу под хвост, хоть бы оборудование вывезли...

– Молчать! – заорала Коваль тогда, будучи в подпитии, и шарахнула по столу кулаком. – Я сама решаю, куда и как тратить деньги, понятно это?! И если ты еще раз откроешь рот несанкционированно, можешь искать другое место! Взяли моду учить меня жить!

Истерика продолжалась минут двадцать, Марина вывалила на голову бедного Барона все, что только думала по разным поводам. Вот и сегодня она опять с больной головы устроила ему разнос за самовольный наем в ночной клуб шоу-балета, при первом же взгляде на выступление которого становилось ясно, что Коваль со своей легкой хромотой может танцевать куда как профессиональнее.

– Ты их что – на ощупь выбирал? – поинтересовалась она, закинув ногу на ногу и покуривая сигарету. – Да, сиськи классные, кто бы спорил, а еще-то что? Они ж от танца так же далеки, как я от космических спутников, чем ты думал вообще?

– Марина Викторовна, мне их рекомендовал один знакомый... – оправдывался Барон, опасливо глядя на хозяйку и ожидая реакции.

– Добрый какой знакомый у тебя! Целую бригаду проституток подогнал! Хоть сейчас на трассу! Послушай, дорогой ты мой Андрей Михайлович, – подавшись к нему, проговорила Марина. – Ведь это не первый такой косяк, я уже выкидывала набранный тобой шоу-балет из «Трех сотен», помнишь? И ты снова с упрямством барана набираешь толпу «дорожниц»! Что, в этом городе не стало нормальных танцовщиц, чтобы они хоть внешне не напоминали шлюх? Ни за что не поверю!

– Я не разбираюсь в этих чертовых телках! – заорал вдруг Барон, вскакивая из-за стола. – Я экономист, а не учитель танцев!

– Розан разбирался во всем! – спокойно отрезала она, помрачнев – ее погибший заместитель Серега Розанов действительно разбирался почти во всем, и не было головной боли по пустякам. – Когда я ставила тебя на его место, ты обещал, что сделаешь все, чтобы дела шли так, как шли до тебя. Так что?

– Я понимаю, вы хотите, чтобы совсем дел не касаться, а так не выходит, – угрюмо проговорил, успокаиваясь, Барон. – Но, Марина Викторовна, я ведь тоже не могу успеть везде и всюду один, а вы сейчас совсем ничем не интересуетесь...

Это было справедливо и обоснованно, Марина в последнее время редко заглядывала в свои заведения, предпочитала проводить время дома, лежа в постели с книгой, или просто спать, напившись какой-нибудь успокаивающей травы, которую заваривала ей заботливая Даша.

– Ты что, не знаешь причину моего безразличия? Я жить-то и то не каждый день хочу, а уж кабаками заниматься – и вовсе... – Марина взяла новую сигарету, щелкнула золотой зажигалкой, принадлежавшей раньше Малышу, повертела ее в пальцах. – Потерпи, пусть все уляжется, я снова начну все волочь, тебе полегче будет.

Эти слова вернули Барону мозги – он налил ей кофе, вздохнул:

– Вы простите меня, Марина Викторовна, я ж это не со зла. А с балетом... ну, не рублю я в этом, не моя тема!

– Дай телефон, – попросила Коваль, и он протянул ей трубку.

Она позвонила в «Латину», попросила директора позвать Карлоса. Ее учитель танцев и неизменный партнер, когда Марине вдруг того хотелось, ставил в «Латине» красивейшие шоу. Кто-кто, а он знал о танцовщицах этого города все.

– Привет, моя красавица! – раздался его голос с едва заметным акцентом. – Я рад слышать тебя, а уж увидеть – вообще за счастье почту!

– Извини, дорогой, не могу пока. У меня к тебе дело, можешь?

– Тебе – все, что пожелаешь, ты ведь знаешь, – засмеялся он, вспомнив, видимо, как несколько раз оказывался с ней в постели и уползал потом на полусогнутых.

– Карлос, я прошу совсем немного – помоги моему управляющему с подбором девчонок, а то ему вечно лярвы какие-то попадают, а я ж этого терпеть не могу.

– Не вопрос, дорогая, но в обмен ты со мной что-нибудь станцуешь, – потребовал Карлос, и не осталось ничего, как согласиться, предупредив:

– Только наедине, в пустом зале и не очень быстро, хорошо? Я снова хромаю.

– Кошка ленивая, давно бы уже все прошло, но ты ведь никак времени не найдешь, чтобы ногу свою в порядок привести!

– Не ругайся – свои достали, – попросила она, договорившись увидеться с ним вечером.

Коваль попрощалась с Бароном и пошла к машинам, где ждала охрана.

– Обедать поедет? – спросил Хохол, открывая дверку.

– Проголодался?

– Я-то нет, а вот ты опять забываешь, что еда – дело обязательное. Давай в «Шар», Юрка, – решил он за нее, и Марина только рукой махнула.

Разумеется, татами-рум была пуста – во время обеда мэтр не пускал туда никого, ожидая появления хозяйки в любой момент, так было заведено уже много лет и исполнялось беспрекословно. Коваль прошла туда и развалилась на диванчике, подставив Хохлу ноги в ботинках. Он снял их, привычным жестом размял правую ногу и заметил:

– С завтрашнего дня массажиста вызываю, ты опять хромать стала, скоро будет очень заметно, лучше сразу перестраховаться.

– Ой, да делай ты, что хочешь, – отмахнулась Марина. – Пристанет же! И вообще – я с завтрашнего дня танцами снова займусь, будешь к Карлосу меня возить.

– Опять жеребила этот, – недовольно буркнул Женька, и она насмешливо на него посмотрела:

– Что, комплексы?

– У меня?! С какой темы?

– А Карлос – мальчик сексуальный, – мечтательно протянула Коваль, прикрыв глаза для полноты картины и усиления эффекта. Хохол оправдал ее ожидания:

– Не знал, что ты петухов любишь!

– А ты проверял?

– А ты? – отпарировал он, за что тут же был наказан чистой правдой:

– Я – проверяла, и не раз.

– Понравилось?

– А сам-то как думаешь? – улыбнулась она, с удовольствием наблюдая за тем, как бесится от этого разговора Хохол.

– Я думаю, что мне это по фигу, – он отвернулся, чуть закусив губу, и Марина не отказала себе в маленькой радости еще потравить его:

– Ты ревнуешь, дорогой? Не стоит – дело неблагодарное и бесполезное, я ведь всегда делала то, что хотела.

– Ты чего сейчас добиваешься, я не пойму – чтобы я тебя загасил здесь? Так просто скажи, и нечего меня разводить, – зло проговорил он, откидывая на стол хаши. – Что ты все ходишь вокруг да около?

– У-у, – протянула она, отпивая сакэ. – Как плохо-то все!

– Прекрати! Поесть нормально не даешь!

– Да ради бога, я не мешаю, ешь. – Марина пожала плечами и решила все же прекратить свои покусывания.

Закончили обед молча, Хохол злился, Коваль обдумывала планы на завтра. Нужно было встретиться с руководством команды, посмотреть отчеты, да и на игроков взглянуть. И еще к Карлосу успеть. Все это она изложила своему телохранителю по дороге домой, и он только пальцем у виска покрутил:

– Тебя что, на ксероксе размножили? Как ты успеешь во столько мест сразу?

– Не волнуйся – успею.

До поздней ночи она просидела на балконе в кресле, укутавшись в плед, курила и смотрела на темное небо. Это успокаивало, а если добавить к этому почти кладбищенскую тишину, стоявшую в поселке...

– Замерзла? – спросил Хохол, когда Марина вышла на кухню, где он сидел перед телевизором с банкой пива.

– Что отмечаем? – кивнула она на жестянку в его руке.

– Кидняк твой.

– И кого же это я так приложила?

– Зачем порожняк гонишь? – поморщился Женька. – Не понимаешь или прикидываешься опять? Меня, кого ж еще.

– Ой, Женька, прекрати, – поморщилась Коваль. – Что у тебя за неистребимая страсть к мелодрамам? Пиши сценарии – озолотишься, ей-богу.

– Мне ничего не надо, только чтобы ты со мной была. А ты снова начала хвостом вертеть, я же вижу. – Хохол притянул ее к себе, усадил на колени, обняв за талию. – Скажи честно – ты ведь замутила с кем-то?

– Женька, я ни с кем не замутила, тебе везде черти мерещатся. – Она погладила его по лицу, и он потерся щекой о пахнущую гелем руку. – Ну, что ты? Совсем измучился, мальчик мой?

– Ты меня давно так не звала. Поцелуй меня... —

Марина прекрасно знала, чем это закончится, поэтому покачала головой:

– Не мучай меня, ладно? Я ведь сказала, что ничего не будет.

– А вчера?

– А вчера ты сам пришел.

– Ты не сопротивлялась.

– А я никогда не сопротивляюсь – это не раз спасало мне жизнь, между прочим. Я пошла спать. – Встав с его колен, она, прихрамывая, направилась к себе и вслед услышала:

– Захочешь – знаешь, где искать.

– Не надейся.

Потом, правда, жалела, что отказалась – они с Хохлом отлично ладили в постели, но ведь Коваль дала себе слово, что не будет больше с ним спать...

Через пару дней она стояла на слабо освещенной сцене «Латины» в короткой юбке и майке в обтяжку, в танцевальных туфлях и длинных гетрах и пыталась повторить за партнером вариацию.

– ...Ну что такое! Неужели это так сложно – ча – ча – раз – два – три! – злился Карлос, пытаясь заставить Марину попадать в такт, но она думала совсем о другом, и это мешало сосредоточиться на танце. Кроме того, правая нога болела и очень мешала, но танцы были своего рода гимнастикой, помогавшей заставить ее двигаться.

Виновато взглянув на своего партнера, Коваль потрясла головой, отгоняя мысли:

– Карлос, я что-то отупела совсем, давай снова.

– Давай, – вздохнул он. – И – начали! Нью-Йорк – Нью-Йорк – шоссе – алемана! Коваль, ты меня пугаешь – раньше ты влегкую это делала, а сейчас – как первый раз паркет увидела! Что с тобой? Нога болит?

Ну, не могла же она ему сказать, что в самом углу зала сидит и пьет кофе подполковник Ромашин, неведомо как обошедший ее охрану! Его взгляд нервировал и выбивал из колеи, Марина путала шаги и даже стороны, нервничала и злилась. Ромашин же не сводил с нее восхищенного взгляда, улыбался и всем видом демонстрировал влюбленность.

– Давай снова, – велел Карлос. – И поменьше на правую ногу наступай, я и так стараюсь тебе ее разгрузить, а ты заваливаешься все время.

– Не могу – она ведь рабочая. Я устала, Карлос...

– Ладно, хватит на сегодня. Когда в следующий раз приедешь?

– Дня через три.

– Идем, провожу в душ.

Он помог ей спуститься со сцены и повел в гримерку, и тут Марину вдруг посетила шальная мысль...

– Карлос, здесь есть запасной выход?

– Есть, но тебе-то зачем? – удивился он.

– Надо.

Приняв наскоро душ и затолкав в сумку тренировочные вещи, она, стараясь не стучать тростью по гладкому полу клуба, вышла в зал с той стороны, где сидел Ромашин, негромко произнесла ему на ухо:

– Вставай и иди за мной, быстро...

В подсобном помещении Коваль схватила его за руку и потащила за собой почти бегом, насколько это позволяла ее нога.

– Куда мы? – удивился он, глядя, как на стоянке она открывает ключами свой «Хаммер», благо второй комплект всегда болтался в сумке.

– Ты же хотел меня видеть? Зачем вопросы задаешь? Садись.

– Может, я за руль?

– Я свой джип доверяю только водителю. Быстрее, Саша, сейчас охрана хватится, и все сорвется.

Она вылетела с парковки на приличной скорости, Ромашин с удивлением наблюдал за происходящим, но вопросов больше не задавал. Они выехали из города, Марина еще поддала газу, выжимая из джипа все, что можно.

– Ты не очень быстро едешь?

– Я только так и езжу, если ты этого не знал.

– Скоро пост ГИБДД...

– Ха-ха! Давай поспорим, что меня даже не заметят, – предложила она, притопив педаль газа. Делать это приходилось левой ногой, потому что правая очень болела после занятий, но Марина уже давно приспособилась к своему состоянию и водила машину без проблем.

Разумеется, никто из милиционеров на посту и не подумал остановить огромный «Хаммер», несущийся на высоченной скорости, и Ромашин недовольно скривился:

– Много отваливаешь?

– Трешку бакинских, – небрежно бросила Коваль, чуть сбрасывая скорость, чтобы не проскочить поворот на «Рошу». – Мелочь, а приятно – никто не трогает, езжу, как хочу, в пробках не зависаю, если надо – по встречке могу рвануть, и никто не тормозит. Пока сама не врежусь! – хохотнула она, коротко глянув на изумленного подполковника.

– Да, порядочки... Куда мы заехали? – с любопытством разглядывая широкие, чистые и удивительно тихие улочки поселка, поинтересовался Ромашин.

Джип тем временем остановился у окруженного забором коттеджа из красного кирпича.

– Это «Березовая роща», слыхал? – Марина рылась в бардачке, пытаясь отыскать дистанционное управление от ворот розановского коттеджа. – Черт, где эта фигня? А, все, нашлась...

Въехав во двор, она закрыла ворота, поставила машину так, чтобы ее не было видно из окон Колькиного дома, и предложила:

– Ну, пойдем?

– Чей это дом? – оглядывая особняк, спросил Ромашин.

– Да чей только не был! Какая разница? Сегодня – наш с тобой... Или тебе куда-то надо?

– Нет. Я только не пойму – мы зачем сюда приехали?

– Ромашин, ты идиот? – изумилась Марина, останавливаясь. – За тем, за чем обычно люди приезжают втихаря.

Он смотрел во все глаза, не веря в реальность происходящего:

– Ты серьезно? – Он обнял ее за талию и притянул к себе, заглядывая в глаза: – Ты действительно за этим меня привезла?

– А ты решил, что я похитила главного городского мента с целью выкупа? – улыбаясь, спросила Коваль. – Ты же понимаешь, Саша, что нам никак по-другому не встретиться... Никто не поймет – ни твои, ни мои... Я ведь поэтому так и вела себя все это время, что не могу позволить кое-кому узнать о нашей связи.

– Не называй это таким словом, – попросил подполковник, осторожно целуя ее. – Это не связь...

– Ага, роман это! Большая и чистая любовь! – усмехнулась Марина, высвобождаясь из его рук и поднимаясь на крыльцо. – Я не уверена, что в доме порядок, давно сюда не заглядывала...

– Неважно, лишь бы с тобой...

Но все было нормально, она не зря просила Кольку иногда отправлять сюда домработницу. Даже на постели было свежее белье. Словом, дом покойного Мاستифа был готов к ее появлению. Старикан в гробу перевернулся бы, узнав, что Коваль привела в его спальню мента... Подумав об этом, Марина испытала легкое чувство злорадства – злость на мертвого пахана не стала меньше с годами, и душевная боль, которую она испытала от гибели Черепа, тоже не уменьшилась. А потому возможность сделать еще что-то неподобающее в доме Мастифа оказалась сладкой конфеткой.

– А хочешь, в сауну пойдем? – предложила она, вынимая шпильки из волос.

– А ты этого хочешь?

Вместо ответа Марина пошла в подвал и включила сауну, пожалев, что этот вариант не пришел в голову раньше, она бы хоть подготовилась, а то так спонтанно вышло все... Да и бог с ним, как вышло, так и вышло.

– Саша, спускайся ко мне! – крикнула Коваль, и он пришел на звук ее голоса.

– Основательный домик, грамотно спланирован, – сказал Ромашин, сбрасывая джинсовую куртку на стоящую перед входом в сауну скамейку.

– А ты думал, мы не любим со вкусом пожить? Или не умеем?

Марина подошла вплотную, встряхнула руками волосы, распуская их по спине, и тихо спросила:

– Ты не сердись на меня за то, что я сделала?

– Как я могу сердиться? Я рад, что ты придумала это, я ведь все время только о тебе и думал, о том, как у нас все было... Ты как заразная болезнь, – пошутил он, целуя ее. – И так страшно выздоравливать, если бы ты знала! Не хочу!

Угрызениями совести Коваль не мучилась – в конце концов, она не настаивала на этой связи, обошлась бы. Подобное отношение к чужой семье родилось давно, еще во время связи с Нисевичем. Марина приучила себя не думать об этом, не ставить себя на место обманутой жены, не принимать близко к сердцу. Сейчас это умение опять пригодилось.

В сауне пробыли недолго, немного поплавали в бассейне и, обнявшись, ушли наверх. В спальне на огромной кровати Марина легла на живот и стала целовать Ромашина, растянувшегося рядом, в грудь.

– Саш, скажи честно – зачем тебе я?

– Я тебя хочу. И не только в постели, я вообще всю тебя хочу – говорить с тобой, слушать тебя, видеть...

– Этого не будет никогда – никто, кроме Егора, не владел мной целиком.

– Я не прошу тебя целиком – ровно столько, сколько ты захочешь мне отдать. Давай останемся здесь на ночь? – предложил он, поглаживая ее по волосам, растрепавшимся по спине и подушке. – Хочу проснуться утром рядом с тобой, увидеть твое лицо раньше, чем что-то еще.

– Давай. – Она встала, взяла из сумки телефон и набрала Хохла. Он заорал в трубку так, что едва не вылетела мембрана:

– Ты что творишь, на хрен?! Я чуть инфаркт не заработал!

– Не кричи! Я жива, со мной все в порядке, ночевать не жди! Целую, – проговорила Коваль скороговоркой и, выключив телефон, кинула его на стол. – Ну вот – до утра я вся в твоём распоряжении, – улыбнулась Ромашину, и тот радостно раскинул руки:

– Я самый счастливый человек – ты моя на всю ночь! Я буду тебя любить, пока ты не устанешь от меня...

– Я?! Устану? И не жди! – засмеялась она, целуя его в губы и ложась рядом. – Никогда...

Марина нисколько не кривила душой, говоря это, – ей действительно было с ним хорошо, и расставаться не хотелось, и устать от него она тоже не могла. Точило только одно – мент, черт его дери, мент, нельзя... Но почему же тогда ей так хорошо в его руках, почему она боится того момента, когда придется встать с постели и поехать домой? А дома... подумать страшно, что там ждет – Хохол в ярости, рвет и мечет, наверное, хотя он же первый и виноват в том, что Марина исчезла у них из-под носа.

– О чем ты думаешь сейчас? – тихо спросил Ромашин, проводя пальцем по ее профилю, чуть задерживаясь на губах.

– О нас.

– Это уже радует – о нас... Значит, ты рассматриваешь возможность наших дальнейших отношений, – улыбнулся он, поворачиваясь на живот и положив голову ей на грудь.

– Не выдумывай, я же просила тебя... – Марина запустила пальцы в его волосы, поглаживая, и он закрыл глаза, прислушиваясь к ее движениям. – Ты ведь совсем меня не знаешь, ты видишь только мое тело, но этого мало, чтобы понять...

Ромашин перехватил ее руку, чуть сжал ее и поднес к губам:

– А почему ты решила, что я ничего не знаю о тебе? Я не первый день живу в этом городе, не первый месяц служу в органах. Ты – личность известная, о тебе легенды ходят.

Марина вытянулась на постели, изогнувшись, как кошка, перевернулась на живот и пробормотала:

– Вот то-то и оно, что легенды.

– Я не понимаю, почему ты так любишь выглядеть монстром в чужих глазах? Нравится пугать людей?

– Честно? Нравится, – призналась Коваль, снова переворачиваясь на спину. – Ты не представляешь, какое это ощущение, когда при упоминании твоего имени какой-нибудь зарвавшийся коммерс бледнеет и начинает заикаться...

– Я столько о тебе слышал разного, что уже и не знаю, чему верить – со мной ты совсем не такая, как говорят, – задумчиво проговорил он, и Марина осторожно потрепала его за ухо:

– Остановись хоть ненадолго!

– Не могу, – промычал Ромашин. – Знаешь, вот об этом я мечтал – проснуться, и ты рядом – теплая, спящая, моя...

– Предупреждаю – спросонья я настоящая ведьма...

– Я тебя обожаю! – засмеялся он...

Марина уснула мгновенно, просто провалилась в сон, даже снов никаких не видела, только чувствовала руки Ромашина, нежно ее обнимавшие...

Почему в конце всегда наступает утро? Разве нельзя продлить время, которое доставляет счастье и удовольствие? Фразу «Утро добрым не бывает» придумали не алкаши, а любовники, именно им утром гораздо хуже, потому что расставание неизбежно, и это ощущается остро и отчетливо. Коваль стояла под душем и откровенно плакала, а Ромашин растерянно уговаривал ее:

– Зачем ты так переживаешь, Мариша? Ведь мы не навсегда расстаемся, мы обязательно увидимся... Хочешь, прямо завтра?

– Хочу... – всхлипнула она, и он обрадовался:

– Отлично! Значит, завтра, да? Ты поедешь танцевать, а я приеду к тебе, мне так понравилось, как ты это делала...

– Я совсем форму растеряла, – пробормотала Марина, обрадованная его словами – Малыш был необъективным в этом плане, для него не существовало ничего и никого лучше жены, и все, что она делала, было для него гениально и необыкновенно, а Ромашин слишком мало знал ее. – Да и нога болит сильно, весной всегда обострение.

– Ничего, ты все равно прекрасно выглядишь, я мог бы смотреть на тебя часами не отрываясь... Ты изумительная...

Ее пугала собственная реакция на происходящее, все эти слезы, сожаления. Марина боялась быть слабой, этот страх преследовал ее давно, с того самого момента, когда она познакомилась с Егором. Коваль боялась мужчин, которые были сильнее ее характером, но подсознательно ее всегда тянуло именно к таким. Однако до Малыша никому не удавалось подчинить ее себе хоть чуть-чуть. Нисевич не в счет – это было совсем другое, гипноз, зомбирование – что угодно. И только Егор Малышев... В Ромашине Коваль тоже увидела черты, присущие Егору, но бедняга-подполковник был слишком ослеплен ею, слишком влюблен и очарован, чтобы ему удалось даже то, чего смог добиться от жены Малыш.

Коваль привезла Ромашина почти к самому дому, высадив около небольшого скверика. Он долго не выпускал ее лицо из своих ладоней, все смотрел и целовал, целовал...

– Как мне прожить до завтра без тебя? – тихо спросил он, прикасаясь к ее губам.

– Саша, не надо, – попросила Марина, отвечая на его поцелуи. – Мы увидимся, когда ты скажешь, я не буду больше менять номер мобильного. Ты просто позвони, и я сразу приеду к тебе, бросив все...

– Я обожаю тебя, Маришка...

Кто бы сказал раньше, что мент будет называть Наковальню своей, – она б со смеху умерла...

Ромашин удалялся от машины твердыми шагами, решительный и уверенный в себе, напоминая чем-то погибшего мужа. Марина проводила его взглядом и, вздохнув, завела мотор. По дороге ей пришло в голову позвонить Хохлу и позвать его в город, но потом она решила приберечь это на вечер.

И не напрасно – Хохол с ней не разговаривал, молча отвернулся, когда Марина выпрыгнула из джипа и весело помахала ему рукой. Бросив ключи в сумку, она пошла в дом, толкнув стоявшего на крыльце Женьку плечом, но и на это он не отреагировал.

Она поднялась в кабинет, уселась там за стол и закурила сигарету, задумчиво уставившись в стену. «Вот черт... обиделся, понимаешь!» – с досадой подумала о Женьке, понимая, что злопамятный и вспыльчивый любовник теперь долго будет игнорировать ее.

Однако ему пришлось все же зайти к ней в кабинет:

– Там звонил Барон, хотел по оборудованию поговорить.

– Спасибо. Ты куда? – удивилась Марина, когда он пошел к двери. – Я тебя не отпускала!

– А я сам ушел! – нахамил он, захлопывая дверь.

– А ну, вернись! – заорала Коваль, шарахнув кулаком по столу, и он вернулся.

– И что? – спросил, прищурившись и внимательно изучая ее лицо. – Ты решила рассказать мне, где и с кем всю ночь гасилась?

– Кто дал тебе право поворачиваться и уходить раньше, чем я тебе это позволила?! – игнорируя его вопрос, рявкнула она.

– А я тебе не штатный телохранитель с окладом и договором, я – зэк бывший, и делать буду все, что сам захочу, – ощерился вдруг Хохол.

– Только не в этом доме! – отрезала Марина, закуривая и вытягивая ноги на угол стола. – Можешь валить и делать все, что сам захочешь, но только не рядом со мной!

– Что будешь делать, если уйду? – поинтересовался он.

– У меня есть штатные телохранители с окладом и договором, – в тон ему ответила Коваль. – Переживу как-нибудь. Да и зэков бывших вокруг меня тоже достаточно, так что не сильно пострадаю.

– Да, и кобеля ты себе тоже нашла, – подхватил Хохол. – Ишь, под глазами-то все синее, всю ночь работала?

Это было совсем лишним – Марина вскочила и врезала ему по морде:

– Забылся?! – Но он заломил ей руку за спину, зашипев:

– А ты не забылась?! Ты кого по морде хлещешь, Жеку Хохла?! Да я ж тебя сейчас...

– Что? – спросила Коваль, совершенно не испугавшись его слов. – Что ты сделаешь, Женечка? Убьешь меня? Я не боюсь. Или, может, изнасилуешь? Так не трудись – я и добровольно соглашусь.

Тут он сломался, заржал и выпустил руку:

– Умеешь ты все испортить! Так классно ругались, а ты опять весь кайф сломала! Прости меня...

– Хам трамвайный, чуть руку не вывихнул! – пожаловалась она, растирая болевшее запястье. – Ты хоть иногда головой думай, она ж тебе для этого и приделана! Пойдем сегодня куда-нибудь?

– Куда? – удивился он.

– Куда скажешь.

– Давай в «Шар», – предложил он, но Марина отрицательно покачала головой:

– Я же сказала – куда хочешь *ты*. И это точно не ресторан японской кухни.

– Моя ты умница! – засмеялся он. – Тогда – в «Тишину»?

– Заметано!

Она перезвонила Барону, решила все волнующие его проблемы по оборудованию казино и пообещала заехать в офис на днях. Закончив с делами, решила вздремнуть – слишком утомительная ночь была...

Снился Егор, как, впрочем, и всегда – это неистребимо, да и не хотела она, чтобы это прекращалось. Лицо мужа, являвшееся во сне, не пугало, а, наоборот, успокаивало. Коваль проснулась с мокрыми глазами, сразу же схватила сигарету, сделала несколько нервных затяжек:

– Что же ты наделал, Егор, Егорушка... или это моя вина? Кто бы ответил...

К тому моменту, как она вышла из душа, на столе в кухне уже стоял чайник с зеленым чаем и салат из креветок, Даша следила за этим, прекрасно зная, что после обеда кофе хозяйка не пьет, зато без чая не может. Поковыряв в салате вилкой, Марина отставила тарелку, и от внимательных Дашиных глаз это не укрылось.

– Марина Викторовна, вы опять? Я Женьке скажу, – пригрозила она, зная и о том, что только Хохол может как-то повлиять на Марину.

– Даш, правда, все вкусно, но не хочется. – Коваль скроила виноватую мину и отхлебнула чай. – Мы же с ним в клуб собираемся, там и съем что-нибудь.

– Да не станете вы в клубе ужинать, что я, первый день здесь работаю? – вздохнула домработница, присаживаясь за стол напротив Марины. – Уж если дома любимый салат в рот не взяли, то о тамошней кухне и речи нет.

– Даш, я тебе обещаю – обязательно поем, вот чем хочешь поклянусь! – Марина чмокнула ее в щеку и пошла одеваться.

Достав с полки кожаные брюки в обтяжку и черный кружевной топ с рукавами, она сбросила халат и натянула все это на голое тело, чтобы держать Хохла в постоянном тонусе. Подкрасив глаза и вставив линзы изумрудно-зеленого цвета, стянула волосы в высокий хвост, намотала на резинку шифоновый шарфик. Чуть сбрызнув себя духами, Коваль покрутилась перед зеркалом и осталась довольна своим видом – для кабака, где все стены украшены решетками и колючей проволокой, а официанты одеты в майки, напоминающие эковскую робу... Хохол довольно хмыкнул, оглядев ее:

– Красотка!

– Старалась! – мимоходом она потрепала его по щеке. – Я за руль или ты?

– Юрка. И вся охрана тоже с нами.

– Что, в городе полно уголовного элемента? – пошутила Марина, и Хохол недовольно высказался:

– Уголовников хватает, а вот проблемы нам не нужны, мало ли кто там в «Тишине» подвисает, сама же знаешь – кабак темный, много всяких ошивается.

Пришлось согласиться и взять всю охрану. Этот клуб был единственным из «чужих», который Марина могла посещать в любое время и без проблем. Его хозяином был Мишка Ворон, всегда встречавший ее, как родную. Марина чувствовала, что как женщина она Ворона не интересует, а потому это добавляло их отношениям искренности. Сегодняшний вечер

исключением не стал – едва заведя въезжающий на парковку «Хаммер», охранник доложил, что приехала Коваль, и Ворон сам лично вышел встречать:

– Наковальня! Как же это ты ко мне заехала? – Он обнял ее, поцеловал в щеку и повел внутрь, на ходу бросив подбежавшему мэтру: – Отряди пацана за текилой, певцам скажи, чтобы шансон нормальный пели – Марина Викторовна приехала.

Мэтр рванул с места, как призовой жеребец, Марина усмехнулась:

– Да, Ворон, дрессура у тебя!

– Не так часто ты ко мне приезжаешь, пусть покрутятся! Жаль только, не могу посидеть с тобой – ехать надо, дела, – с сожалением проговорил он. – Сказала бы раньше, что приедешь, я бы все отменил...

– Я не собиралась, просто спонтанно получилось, ты не переживай – я ненадолго.

– Ты о чем! Не обижай меня – посиди, отдохни, тебе все сделают. И деньги не вздумай совать! – предупредил Ворон, усаживая ее за столик в VIP-зоне. – Хохол, как дела-то?

– Стрижем помаленьку, – лениво откликнулся Женька. – Работенка, сам видишь, не пыльная, хозяйка не задуренная, не жизнь – малина.

– Завидую! – усмехнулся Ворон, отходя. – Ну, гуляй, дорогая!

Марина откинулась на спинку стула, вынула сигарету, лениво оглядывая зал. Ничего интересного... Толпа малолеток из тех, кому тюремная жизнь рисуется в розовых романтических красках; какие-то потрепанные девахи за дальним столом; трое явно случайно забредших сюда мужичков в дорогих костюмах...

– Ищешь кого-то? – отвлек Хохол, наливая в стаканчик принесенную мэтром текилу.

– Кого?

– Не знаю, тебе виднее, – откликнулся он, протягивая ей напиток. – Давай с тобой выпьем, давно уже не сидели вот так, вдвоем.

– За что? – спросила Марина, вертя стакан в пальцах.

– За тебя, Коваль. Все, что я делаю, оно всегда будет за тебя.

Хохол залпом опрокинул в рот рюмку водки, сморщился, поднес к носу кулак. Марина тоже выпила, взяла лимон, но Хохол вдруг нагнулся к ней, намотал на руку волосы, притягивая к себе ее голову, и поцеловал в губы:

– Сучка, измучила меня совсем... сейчас нажрусь – держись тогда!

– Не забывайся, мы не дома. – Она смотрела ему в глаза, чувствуя, как болит шея от неудобной позы. – Отпусти, Женька, больно.

– Если бы ты почувствовала, как больно мне, то заткнулась бы про свою больную шею, – процедил он, но волосы выпустил. – Я замучился так жить, понимаешь? Ты вроде со мной – и в то же время где-то далеко, мутишь с кем-то, приезжаешь домой то под утро, то совсем не ночуешь. А я устал, меня ревность гложет, убил бы тебя – и не могу, потому что люблю, сучку стержовую... – Он налил себе еще, выпил, не закусывая. – Я жить не хочу иногда и бросить тебя тоже не могу, я попал...

– Женька, перестань, – попросила Коваль, положив руку на его сжатый кулак. – Скажи, что делать мне, чтобы тебе стало хорошо?

– Прекрати втихую гаситься с ментом, – злым, срывающимся голосом произнес он, и она вздрогнула. – Что, угадал, кто тебя нашампурирует? Мент ушастый – ну, ты дала, Коваль! На кого ты променяла нас – меня, Малыша погибшего?

– Не тронь Малыша! – взвилась Марина.

– Да не в нем дело! Неужели ты не понимаешь, чем обернется эта твоя хрень с ментом? Бес узнает – порвет пополам!

– Очень страшно! – фыркнула она, беря сигарету. – В этом я отчет держать не собираюсь! Сплю с кем хочу. Ты меня зачем сюда привез – отношения выяснять? Тогда поехали домой, я не собираюсь объясняться.

– Нет! – взмолился Хохол, хватая ее за руку. – Не уходи, я больше ничего не спрошу. Слышишь – песня розановская, он ее всегда в машине крутил... – Молодой певец на сцене в самом деле исполнял любимую песню Маринино покойного заместителя...

– Знаешь, – сказала Марина задумчиво. – А мне всегда почему-то нравился шансон, в машине только такие кассеты всегда возила, пацаны знали, что я не слушаю ничего другого. Судьба!

– Ага, как чувствовала, что придется за одним столом с уголовником сидеть!

– Ой, хватит! Мне приятнее за одним столом с тобой, чем с некоторыми приличными с виду. – Коваль снова взяла его руку, сплетя пальцы и разглядывая синие наколки на кисти. – Жень, ты не сердись на меня – я всю жизнь кому-нибудь изменяю, так уж устроена, даже Малыш прощал...

– И я прошу... – прошептал он, притягивая руки к себе и касаясь Маринино запястья губами. – Все тебе прощу, только не отталкивай меня... Ведь люблю, сдохну за тебя – только скажи!

Со стороны они напоминали двух влюбленных голубков, нежно воркующих за столиком весьма странного ночного клуба – любовь за решеткой, тюрьма и страсть...

– Ты запретила мне звать тебя киской, а все остальные слова тебе говорил твой Малыш, – пожаловался Хохол, не переставая целовать ее руку. – Как теперь быть?

– А чем тебя мое имя не устраивает? Слишком длинное? – Марина прижалась лицом к его руке и посмотрела в глаза.

– Я не привык звать тебя по имени, только если с отчеством... а хочется что-то такое... чтобы только наше с тобой было, больше ничье. Киска... кисочка моя...

– Как хочешь, – согласилась она. – Только не при людях, ладно?

– Конечно, маленькая, только между нами... давай выпьем за это, что ли? – Он потянулся свободной рукой к бутылке, налил ей текилу, себе – водку, они выпили. – Поцелуй меня, – попросил он, и Марина через стол потянулась к нему губами.

– Ох, мать твою, вот это шоу! – раздался над их головами противный, визгливый голос Макара.

Он стоял, покачиваясь на носках модных ботинок, и насмешливо улыбался. Весь вид говорил о том, что Макар уже под кайфом. Марину передернуло при виде мерзкой рожи, она всегда терпеть его не могла, и каждая встреча заканчивалась если не мордобоем, то уж словесными оскорблениями. Хохол тоже это знал, потому моментально встал и угрожающе сжал кулачищи:

– Тебе чего?

– Мне-то? Смотрю вот и думаю – что ты делаешь рядом с этим быком? Не можешь достойного человека найти? Ты ж, говорят, в койке просто сказка... – договорить Макар не успел, вернее – уже не смог, вырубленный прямым ударом в лицо. Хохол пнул его в голову и сплюнул:

– Тварь паскудная... Эй, уберите тут! – крикнул он клубной охране, изумленно взирающей на это действо. – Ты в порядке? – повернулся он к Марине, и она абсолютно спокойно кивнула:

– Да. Ты его не грохнул случайно?

– Очухается, – отмахнулся Хохол, наблюдая за тем, как двое охранников под руки потащили Макара к выходу. – Сучара, я ему потом ноги сломаю, будет знать, как пасть разевать.

– Все, проехали, – приказала Коваль. – Налей-ка лучше девушке, чтобы стресс снять. – Она протянула ему стакан, и он укоризненно покачал головой:

– Напьешься сейчас, потом опять умирать будешь.

– Расслабься, Женька, я свою дозу знаю.

– Ты-то?! Да ты вообще берегов не видишь, сейчас еще пару стаканов – и на подвиги потянет, я-то знаю.

– О, спасибо, что напомнил! – обрадовалась Коваль. – А давай-ка мы с тобой в один клуб закрытый съездим...

– А там что?

– А там стриптиз.

– Хочешь – дома сам станцюю?

Она захохотала так, что на них стали оборачиваться:

– Я тебя умоляю! Только не это, я не переживу! Поехали.

Что еще оставалось делать бедному Хохлу, как не подчиняться?

Про этот клуб Марине рассказала Ветка, именно здесь она зависала до того, как начать отношения с Марининым племянником. Клуб был закрытым, попасть туда просто так было нереально, но хозяин прекрасно знал, чей «Хаммер» припарковался у самого входа. Высокий белокурый красавчик с фигурой, которой могли позавидовать даже многие спортсмены, подошел к Марине в холле, почтительно склонил голову и проговорил:

– Я польщен тем, что вы решили провести время у нас... Хотите в VIP-зону?

– А народу много? – спросил Женька, которому красавец явно не понравился.

Собственно, это чувство было взаимным – хозяин заведения тоже не проникся к Хохлу симпатией. Но из здорового опасения за целостность лица счел своим долгом быть вежливым и предупредительным и с ним тоже:

– Нет, сегодня на удивление свободно, так – человек семь-восемь.

– Толпа! – решительно отрезал Хохол и, не слушая возражений, потащил Марину за собой в машину.

Хозяин заведения с облегчением перевел дух – не очень ему понравился сопровождающий у явно богатой клиентки. «Черт с ними, с бабками, – зато лицо в порядке осталось»...

А утром Марину поднял телефонный звонок – племянник срывающимся голосом сообщил, что Ветка ночью попала в аварию. Коваль сдуло с постели моментально, она накинула на голое тело халат и, помчавшись вниз, к Хохлу, начала тормошить его и орать:

– Жень, вставай! Ветка в больнице, попала в аварию, нужно ехать!

Спросонья Хохол не мог понять, что она от него хочет, но потом тоже встал и начал собираться. За считанные минуты они выскочили из дома, прыгнули в машину и понеслись в город, оставив второй джип далеко позади себя.

– Не гони так, – взмолился Хохол, но Марина не слышала его слов, выжимая из двигателя все, что можно.

У здания больницы она резко затормозила, визг тормозов привлек внимание охранников, куривших на крыльце, они спустились и поинтересовались, кто и к кому, но, увидев морду Хохла и Маринино перекошенное от злости лицо, отошли в сторону. Коваль побежала в справочное. Там ей сказали, что подруга, к счастью, жива и даже не в реанимации, а просто в травматологии. Марине немного полегчало, она перевела дух и слегка расслабилась – значит, все не так страшно, не так плохо... Шагая по пустому коридору отделения травматологии, она вдруг вспомнила, как десять лет назад ходила сюда во время ночных дежурств к Нисевичу, как спала с ним в ординаторской. Не самое лучшее время в жизни...

Ветка лежала в отдельной палате, видимо, племянник ухитрился воспользоваться родством с Мариной для пользы дела. Когда Коваль вошла, она дремала, подложив руку под щеку, как ребенок. Правая нога лежала на металлической шине, загипсованная и на вытяжке. Больше Марина ничего не заметила, чему и обрадовалась. Ветка открыла глаза, и в них сразу появились слезы – не ожидала увидеть Коваль здесь, они давно не общались.

– Ветуля, как ты, девочка? – Марина села на стул возле кровати, взяла ее за руку.

– Ты приехала...

– Дурочка, а как я могла не приехать? Ведь ты единственная моя подруга, Веточка, я же люблю тебя. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально... знаешь, ничего теперь не будет... и никого – ни ребенка, ни Кольки... я останусь совсем одна, совсем...

– Не думай об этом, – попросила Коваль, обнимая ее. – Ты не будешь одна, такая женщина просто по определению одна быть не может. А Колька – он ведь еще малолетка сопливая, зачем он тебе? Поверь – вокруг тучи мужиков, более достойных твоего внимания, чем он. И дети у тебя будут, если захочешь.

– Нет, Маринка, теперь уже не будет... Доктор сказал, что это был мой последний шанс...

– Я не буду говорить ничего, потому что ты знаешь мое отношение к этому вопросу, – сказала Марина, встав и направившись к окну. – Но поверь – в жизни всякое бывает. А хочешь, я расскажу тебе одну жуткую историю? – вдруг спросила она, понизив голос. – Потому что только с тобой я могу об этом говорить, только ты не заблажишь про понятия... Ветка, я, кажется, влюбилась...

– Удивила! – фыркнула подруга. – По-моему, это уже давно известно, и Хохол твой...

– Да какой Хохол! – перебила ее Марина, сморщившись. – Он-то при чем?

– О-па! – растерянно протянула Ветка. – И кому повезло?

– Повезло ли – вот вопрос... Я даже говорить боюсь на эту тему, Ветка, – призналась Коваль, вцепившись в подоконник побелевшими пальцами. – Боюсь, потому что он – мент...

Глаза подруги стали похожи на два блюдца, расширившись от изумления:

– Ну, ты даешь, дорогая! Это... это даже для тебя – перебор...

– Перебор, – вздохнула Марина, возвращаясь на стул и хватая Веткину руку. – Перебор, Ветуля, но я не могу ничего поделать с этим, он такой... я даже сказать не могу... – и неожиданно для себя вдруг расплакалась.

Неизвестно, почему вдруг она так остро почувствовала свою привязанность к Ромашину и невозможность выказать открыто свои чувства. Коваль поняла, что он нужен ей, и наплевать на то, что об этом скажут другие, но и причинять боль и неприятности ему она тоже не хотела и не могла. Вряд ли начальника ГУВД украсит связь с известной бандиткой... «Черт, черт, черт!»

– Господи, Маринка, ты плачешь из-за мужчины? Это ведь бред, – пыталась надавить Ветка, но Коваль все равно рыдала, упав лицом ей на грудь. – Да кто он, в конце концов, чтобы так убиваться?

– Вета, я скажу, но молчи, я умоляю тебя, иначе мне не поздоровится... Фамилия Ромашин говорит тебе о чем-то?

– Рехнулась, блин?! – взвизгнула та, сильно встряхнув ее за плечо. – Это что же, новый главный мент?!

Марина молча кивнула, вытирая слезы, и Ветка прикрыла рот рукой:

– Мамочка моя... и что теперь?

– Даже думать не хочу... у него семья, взрослые сыновья, жена... я права не имею портить ему жизнь и карьеру...

– Господи, да подумай ты хоть раз в жизни о себе, а не о ком-то! – взмолилась Ветка, обнимая ее. – Пусть у него голова болит за это, а ты будь просто женщиной, Коваль, понимаешь – женщиной, которую любят и о которой заботятся! Ведь всю свою жизнь ты волокла на себе груз проблем и забот, вечно кого-то защищала и оберегала, не позволяла себе слабостей... Так пусть хоть теперь кто-то увидит в тебе женщину, молодую и красивую, а не железную Наковальню! Тебе хорошо с ним? – Она подняла Маринину голову и посмотрела в глаза. –

Можешь не отвечать – я и так вижу. Так и позволь себе маленькую человеческую слабость, пусть он любит тебя и делает счастливой.

– Я уже была счастлива, так счастлива, что вспомнить больно, – прорыдала Марина. – Я убила любимого человека, он погиб из-за меня, и это ведь уже не первый случай, ты же знаешь... Я не хочу, чтобы и с Сашкой что-то случилось, я не переживу...

– С ним ничего не случится – только с работы выпрут, а так...

– Вета... – ошарашенно протянула она, глядя на нее. – Ты... откуда?..

– Не забывай, дорогая, я ведь какая-никакая, а все ж ведьма, – погладив Марину по лицу, ответила Ветка. – Я всегда знаю все, что с тобой случится и уже случилось.

– И ты знала... – задохнулась Коваль от пришедшей в голову мысли, – ты знала... про Егора?

– Знала, – спокойно кивнула Ветка. – И в первый раз знала, что он жив, и потом знала, что погибнет.

– Ты... ты... за что? За что ты со мной так обошлась? – не в силах поверить в то, что она скрыла правду, прошептала Марина.

– А что сделала бы ты? – жестко спросила ведьма. – Посадила его в бункер? Не выпускала бы из дому? А он бы все равно погиб, это судьба, и от нее не спрячешься и не скроешься, ее не обманешь. Представь хоть на секунду, что ты знала бы это, – как бы жила с этим знанием? Думаешь, это легко? Даже мне было невыносимо, сердце разрывалось... А ты? Ты бы вообще с ума сошла.

Марина опустила голову, понимая, что ведьма права – она ничем и никак не повлияла бы на ход событий, так случилось бы в любом случае...

– Прости...

– Я не сержусь, – спокойно ответила Ветка, поглаживая ее по волосам. – Ты просто подумай над тем, что я сказала, и позволь ему любить тебя и сделать тебя счастливой, ты ведь заслужила это. А сейчас – вали отсюда, мне скоро придут капельницу ставить, я не хочу, чтобы ты сестру до заикания напугала, – улыбнувшись, она подтолкнула Марину к двери. – Иди, приедешь завтра, если не будет других дел.

Коваль поцеловала ее и, выйдя, наткнулась на стоящего возле двери Хохла.

– Ты чего зареванная вся? – подняв за подбородок ее голову, поинтересовался он. – У Ветки серьезное что-то?

– Да, – соврала Марина. – Выкидыш, теперь детей не будет...

– А-а... – протянул он, отпустив ее. – Жалко... А так вообще?

– Терпимо. Поедем домой, – попросила Коваль, стараясь избежать ненужных вопросов.

Дома, закрывшись в ванной, она набрала номер мобильного телефона Ромашина и, когда он взял трубку, заговорила, как в лихорадке:

– Саша, Сашенька, только не перебивай меня, я должна тебе сказать... Я не могу без тебя, я действительно не могу, я хочу, чтобы ты это знал... Хочешь, я приеду за тобой, и мы опять поедем в «Рощу»?

– Мариша, девочка, я так рад, что ты звонишь! – прорвался через ее монолог Ромашин. – Я безумно соскучился, родная моя, я так хочу увидеть тебя! Но, к сожалению, сегодня не получится – у меня совещание... поверь, я очень расстроен, я сильно скучаю, спать не могу... Давай увидимся завтра? Я приеду за тобой.

– Нет, только не так, – сразу отмела Марина этот вариант. – Мы встретимся в городе и поедем туда, хорошо? Ты сможешь остаться со мной на всю ночь?

– Конечно, Мариша, останусь, – моментально согласился он. – Я встану раньше тебя, сварю кофе и принесу тебе в постель, хочешь?

– Да...

– Тогда договорились? Завтра я заберу тебя от твоего офиса.

– Нет, лучше от офиса «Строителя», на Павловке, знаешь? Я с утра туда поеду, оттуда мне проще улизнуть.

– Хорошо, договорились. Я целую тебя, родная...

– Я тебя тоже... Саша, ты правда приедешь?

– О чем ты волнуешься? Прилечу, а не приеду, – засмеялся он. – Я не могу забыть, как ты была со мной... Какие цветы ты любишь?

– Хризантемы...

– Да? – удивился он. – Я почему-то думал, что розы...

– Нет. Я люблю только желтые хризантемы.

– Я понял.

И они попрощались.

Марина включила джакузи, легла в пузырящуюся воду, закрыв глаза. Было ли это предательством по отношению к Егору? Наверное, да. Но ведь и она человек, она живая, ей всего тридцать четыре... И она не может похоронить себя там, под черной мраморной плитой, рядом с Егором. Нужно продолжать жить, потому что вряд ли Малыш хотел бы, чтобы она умерла вместе с ним. Он был бы только рад узнать, что жена счастлива и не одинока, что есть кто-то, с кем она может поговорить и у кого искать защиты, если что...

Марина заперлась в спальне, чтобы оградить себя от посягательств Хохла, и всю ночь спокойно проспала, отдохнув и расслабившись как следует. С самого утра настроение взмыло вверх, она пела что-то в душе, потом вдруг ни с того ни с сего включила в гостиной музыку и повторила все движения ча-ча-ча, которые не получались у нее в «Латине». Хохол взирал с удивлением – давно уже Марина не вела себя так, не выглядела счастливой и довольной. Сев за стол, она набрала Кольке:

– Племянничек дорогой, ты не соскучился? Я приеду к тебе сегодня, готовь все бумаги, буду проверять тщательно и с пристрастием!

– Конечно, приезжай! – со смехом откликнулся Колька. – Я давно тебя не видел, да и документов много, тебе надо подписать кое-что.

– Ты у Ветки был?

– Да, сегодня утром заезжал. Там все в порядке, доктор говорит, нога срастется, и заметно ничего не будет.

– Ладно, приеду – пообщаемся.

– В клуб собралась? – спросил Хохол, расправляясь с овсянкой.

– Да, поеду, проверю смету и отчет о поездке, – как можно небрежнее произнесла Марина, помешивая ложечкой кофе. – Можешь не ехать, если не хочешь – это надолго, пока все просчитаю, пока то, се...

И – о чудо – Хохол повелся, сказав, что останется дома и займется оружием, Марининым пистолетом и еще чем-то. Повезло!

С ней поехали Сева и Гена, обвести которых вокруг пальца большого труда не составляло. Колька встретил радостно, долго обнимал и подкидывал на руках:

– Тетка, ты такая у меня куколка, даже завидно!

– Если ты меня уронишь на пол, Хохол тебе голову оторвет, – смеялась Марина, обхватив его за крепкую шею.

– Я?! Тебя?! – возмутился он, осторожно ставя ее на ноги. – Любимую тетку – и на пол? Да ни в жизнь! Кофе хочешь?

– Нет, спасибо. Давай лучше быстренько все бумажки посмотрим, я тороплюсь.

– Куда?

– На кудыкину гору, – отрезала она. – Не задавай ненужных вопросов, а то можешь получить много ненужных ответов.

Племяннику дважды повторять не приходилось, тут уж грех жаловаться, парень он был понятливый, знал, что непростая тетка слов на ветер не бросает. Они проверили все отчеты, Николай отчитался за каждую копейку, потраченную на Кипре, и Марина осталась вполне довольна результатом его работы.

– Поглядим потом, что за игроков вы с Марадоной набрали.

– Ты не сомневайся, игроки нормальные, как раз под задачу – мы ж в первую лигу хотим, так? Ну, вот Марадона и смотрел таких, чтоб могли вывезти.

– Вот я и говорю – поглядим. Ладно, Коленька, поеду я. – Коваль встала, снимая со спинки стула сумку. – Одна просьба – Хохлу не говори, во сколько я поехала от тебя, договорились?

– Могила! – заверил он. – Только предупреждаю – бить начнет, все выложу!

Марина засмеялась – Колька боялся ее телохранителя как огня, звал по имени-отчеству и вообще старался не сталкиваться с ним в темном месте. Она чмокнула племянника в щеку и пошла к выходу, завернув потом к черному ходу, возле которого уже ждал в машине Ромашин. Сев на переднее сиденье, Марина подставила ему щеку для поцелуя, но он развернул ее к себе лицом и нежно поцеловал в губы:

– Здравствуй, моя Мариша...

– Саша, поехали отсюда, пока мои церберы не обнаружили, что меня нет.

Ромашин завел двигатель, и «Волга» отчалила от особнячка, где располагался офис клуба.

– Ты не в тот переулок свернул, – заметила Коваль, когда проскочили поворот на объездную дорогу.

– А мы не в «Рощу» едем, а ко мне на дачу, – отозвался он. – Я не альфонс какой-то, чтобы женщина за меня решала, где и как.

– О-о! – протянула она, вынимая сигареты. – А не боишься, что жена нагрывает?

– Да бог с тобой! – засмеялся Ромашин, выезжая на загородную трассу. – Она уже и думать забыла, что есть такое явление, как дача. Я туда один и езжу, сыновья тоже не заглядывают. Так что не переживай, никто нам не помешает.

– Что же не догадалась я в «Шар» заскочить, – пробормотала Марина. – Так ведь и ноги протянем – на одной любви-то...

– Зато я догадался и заскочил в твой «Шар», обернись – все сиденье едой заставлено.

И точно – на заднем сиденье было полно коробочек, в которые упаковывали еду в Марином ресторане, а венчал все это огромный букет желтых хризантем, каждая из которых была величиной с кулак.

– И откуда же ты узнал про «Шар» и про то, что уже много лет я именно такую еду предпочитаю? – перевела она взгляд на довольного произведенным эффектом Ромашина.

– Дорогая, ты забываешь, кто я, узнать мне большого труда не составило. И потом – про твой ресторан легенды ходят, у нас все управление там пребывало, только мне вот не удавалось никак.

– А почему, кстати?

– Честно? Не понимаю я этих изысков, не знаю, за что их так люди любят.

– О, Саша, у меня огромное поле деятельности! – засмеялась Коваль. – Сегодня я сделаю из тебя фаната японской кухни, уж поверь мне.

– Посмотрим...

На даче было убрано и чисто, видимо, он готовился к появлению здесь, хотел, чтобы все было на уровне.

– Ты проходи, я камин сейчас растоплю, – сказал он, направляясь в комнатку, где лежали кучкой березовые поленья.

Марина сбросила кожаную куртку на подстежке, отключила лежащий в кармане джинсов телефон, прошла на небольшую кухню, где на столе были свалены все привезенные коробки. Она достала из навесного шкафчика тарелки, выложила на них суши, салаты и закуски, расставила все это так, как делала обычно дома, когда хотела праздника. Вошедший Ромашин замер в дверном проеме, когда Марина повернулась к нему, держа в руках хризантемы:

– Господи... ты даже не представляешь, насколько сейчас красива...

Он приблизился к ней, взял за руку и поднес ее к губам:

– Никогда не думал, что со мной случится такое. Я не вижу тебя – и места не нахожу, думать ни о чем другом не могу. Ты останешься у меня сегодня?

– Я ведь обещала, а свое слово я всегда держу... – Коваль поцеловала его и прильнула к груди, обтянутой форменной голубой рубашкой.

Его рука прижала ее голову, губы прижались к затылку, и оба замерли посреди маленькой кухни, не в силах оторваться друг от друга, боясь даже шевельнуться, чтобы не спугнуть возникшее вдруг ощущение родства.

– Сашенька... что мы делаем? – спросила Марина наконец, подняв на него глаза.

– Мы просто любим друг друга... я ведь чувствую, с тобой происходит что-то, ты измучилась, не можешь определиться, как быть с этим чувством. Ты хочешь быть со мной и боишься, что тебя не поймут и осудят твои...

– Это мне совершенно безразлично, уж поверь. Никто и слова мне не скажет... а потом, у меня ведь сводный брат – генерал МВД, в министерстве работает...

– погоди... – Ромашин немного отстранил ее и удивленно переспросил: – Генерал Коваль? Дмитрий Викторович?

– Да, Саша, это мой сводный брат, у нас общий отец. Я сама узнала об этом недавно, когда началась заваруха с Гордеенко и Климовым. Мой отец – известный московский тележурналист, он приехал сюда снимать передачу о нашей доблестной милиции, а тут такое... Вот так я и узнала о его существовании и о том, что у меня есть брат.

– Да-а, дорогая, вот это сюжет! – засмеялся Ромашин, забирая у нее букет и наливая воду в трехлитровую банку. – Значит, у тебя не только любовник, у тебя и брат в органах? Удар по репутации!

– Как говорил мой покойный муж – как можно испортить то, что уже было испорчено до меня? Это твоя репутация теперь под угрозой – а ну как кто-то узнает о том, что ты, начальник ГУВД, спишь с Наковальней? – улыбнулась она, подходя и обнимая его сзади.

– Кто бы знал, как это приятно... – Он развернулся и подхватил ее на руки. – Как это нереально хорошо – держать в руках вот эту самую Наковальню... Идем в спальню, я соскучился по тебе.

– Так не бывает... – выдохнул Ромашин, растягиваясь на спине и укладывая Марину сверху, обняв обеими руками. – Не бывает, ты слышишь меня? Чтобы было так хорошо...

– А тебе хорошо? – сдувая с глаз упавшую челку, спросила она, и он перевернулся, ложась на нее:

– А то ты сама не знаешь...

Перевернув на живот, он начал гладить ее по спине, по ногам...

– Откуда у тебя татуировка? – погладив пальцами козерога на крестце, спросил он.

– Можно, я не буду тебе это рассказывать? – попросила Марина. – Мне неприятно...

– Конечно, если не хочешь... – Он поцеловал наколку, потом лег сверху, придавив Коваль к постели и найдя губами ухо. – Знаешь, что еще я о тебе слышал? – прошептал он, чуть сжав зубами мочку с серьгой.

– Подозреваю, что ничего хорошего... твои дружки очень любят копаться в моем белье, в моей постели, в моей жизни... и есть целое досье, составленное Гордеенко, а уж там-то много всякого наворочено. И что?

– И ничего, – захохотал Ромашин, обнимая ее и целуя. – Ни-че-го! Мне наплевать на это – я люблю тебя любую, слышишь? Ты моя единственная женщина, я могу орать об этом на городской площади, и все, что ты делаешь, для меня прекрасно.

– Так уж и все? – Она сползла вниз, и Ромашин вздрогнул и подался навстречу... – Так что ты молчишь? – прошептала Марина ему на ухо, когда все кончилось.

– Я тебя люблю – ты это хотела услышать?

– И это тоже...

– А ты?

– Не спрашивай... знаешь, я никому не говорила этого, только мужу... даже Хохол дождался от меня этих слов только через несколько лет, и то скорее из благодарности... С тобой почему-то все по-другому, не знаю... Я постоянно о тебе думаю, постоянно ощущаю тебя... Почему так?

– Потому что я тоже думаю о тебе. Давай пошлем все к черту и будем вместе, а? – Он приподнялся на локте и посмотрел ей в глаза. – Я так хочу, чтобы ты никогда не уходила от меня, всегда была на глазах, рядом. Буду беречь тебя и любить, обещаю – никогда ты не будешь знать горя, любое желание твое выполню.

– Ты удивишься, но нет у меня никаких желаний, кроме одного – чтобы ты был со мной...

...С этого дня начались проблемы – Ромашин, правда, не говорил о том, как восприняли происходящее его сослуживцы, но вот Марининым людям все очень не нравилось. Но Коваль всегда ходила по краю, обостряла все до предела и только так была абсолютно счастлива.

Она зачастила на футбол, где постоянно присутствовал и Ромашин. Правда, футбола он не видел, постоянно смотрел не на поле, а на сидящую в ложе Марину. Она стала ускользать из дома, ловко отделяваясь от Хохла, могла остаться ночевать у Ромашина. Женька бесился, но сделать ничего не мог – знал, что стоит только открыть рот и выказать недовольство, и Коваль запросто выставит его и из дома, и из своей жизни. Поэтому он терпел, сжав зубы, и старался держать себя в руках. Если бы не постоянные звонки Беса, до которого тоже доходили слухи о романе Наковальни с начальником городской милиции...

Разумеется, все кончилось грандиозным скандалом. Бес вызвал Марину на разговор и прямо при Вороне и Хохле отхлестал по щекам, зло бросив:

– Сука гуляющая, быстро забыла, кто был твой муж! И кто ты есть сама! Под мента – это надо же! А ты куда смотрел?! – это относилось уже к Хохлу, мрачно кусавшему губы и старавшемуся не смотреть на Марину.

– Что я – сторож?

– А кто ты, на хрен?! – рявкнул Бес, шарахнув по столу кулаком. – Бабу удержать не смог!

– А ты сам попробуй ее удержи, если ей вдруг приперло! – заорал в ответ оскорбленный Хохол. – Что мне ее, к кровати привязать?

– А то тебе не доводилось! – ехидно свернул Бес.

– А ничего, что я тут сижу и все слышу? – осведомилась Коваль, потрогав пальцами горящую от удара щеку, и Бес вызверился еще сильнее:

– Замолкни, на хрен! Лярва! Я научу тебя, с кем спать, а с кем – не стоило бы!

– Это не твое дело! Никто мне не указ!

– Я – указ! – отрезал он. – И... вот что – пошлю-ка я снимочки менту твоему, пусть полюбуется. С ним-то небось по-другому все? Как у людей?

– Пошел ты! Ему наплевать, что там у меня раньше было.

– Ему-то, может, и наплевать, – согласно кивнул Бес. – А вот начальство его вряд ли по головке погладит за связь с тобой, красючка моя дорогая! Слетит с работы белым лебедем твой подполковник. А ты решила, что теперь все можешь? Что Малыша нет больше, и сам черт тебе не брат? А то, что я скажу, тебе не важно? И что вход – рубль, а выход – два? Соскочить собралась? И кто тебя отпустит, скажи? Не-е-ет, дорогая моя девочка, никуда ты не дернешься от меня, покуда будешь нужна.

– Да? И что ты сделаешь?

– Я тебя, суку, в подвал запру у себя в доме, оттуда не выберешься. А мента твоего грохну, – спокойно пообещал Бес, и Марине стало по-настоящему страшно – он не бросал слов на ветер, всегда делал то, что обещал...

Коваль подняла на него глаза, вмиг наполнившиеся слезами:

– Не надо, Гриша... я тебя прошу – не трогай его...

– Ой, не могу! – закатился Бес, довольный произведенным эффектом. – Хохол, а ведь она за своего мента на все готова – что хочешь проси. Ведь ты этого хотел? Так на, забирай, она твоя.

– За что? – тихо спросила Коваль, глядя на Женьку во все глаза, не отрываясь. – За что ты со мной так?

– А ты? – с болью вывернул Хохол, не отвернувшись, выдержав. – Ты за что так со мной? Я больше жизни любил тебя, на все был готов, только чтоб со мной была... Как бобик дрессированный себя вел, только что тапочки в зубах не приносил – а ты? Сучка ты, Маринка, одно слово – лярва... – Он отвернулся к окну, чтобы не видеть ее лица, ее глаз, ее слез.

Ворон чувствовал себя здесь явно лишним, было вообще непонятно, зачем он тут, когда дело почти семейное.

– Поеду я, Бес, вы уж сами давайте... А вообще – оставьте бабу в покое, у нее и так мозги набекрень.

Он ушел, и в комнате стало очень тихо, словно это Ворон издавал так много звуков. Хохол продолжал напряженно вглядываться в окно, Бес курил, покачиваясь в кресле, а Марина сидела, окаменев, и думала, что же будет с ней дальше.

– Что вы оба от меня хотите? Что я должна сделать, чтобы вы оставили меня в покое? Хохол, я отдам тебе все – контроль над бригадой, пацаны тебя признают, даже «Империю» отдам...

– А мне оно надо? – удивился Женька, оборачиваясь.

– Тогда – что?

– Ты. Мне нужна только ты – больше ничего, и ты сама знаешь это не хуже меня. Только ты.

– Это невозможно... я...

– А я не прошу тебя любить, если ты об этом, – перебил он, ударив по подоконнику сжатыми кулаками. – Я знаю, что этого не будет. Я просто хочу быть с тобой.

– Да что ты ноешь, как не мужик вроде?! – встрял вдруг Бес. – Что ты спрашиваешь ее? За волосы – и об колено, только так докажешь, кто хозяин! А то возомнила о себе! Давай, грузи ее – машина уже подъехала. Валите домой, на хрен.

Она не успела ничего сказать, никак не отреагировала. Хохол схватил ее на руки и понес куда-то, прижав голову к плечу, в которое Марина вцепилась зубами, но Женька не обращал внимания, запихнул ее в «мерс» с тонированными стеклами, сел рядом, и водитель рванул с места.

– Я прошу тебя – не вынуждай меня применять силу, я не хочу делать тебе больно, – взяв Марину за плечи и развернув к себе лицом, взмолился Хохол. – Пожалуйста, не дергайся, я очень прошу тебя...

– Куда мы едем?

– Я не скажу, – зашипев от боли, Хохол отодрал прилипшую к ране на плече водолазку.
– Дай я посмотрю. – Коваль помогла ему снять ее, осмотрела основательно прокушенное плечо. – Больно?

– Нет, – скривился он. – Даже приятно!

– Прости... попроси у водителя аптечку, мне бинт нужен...

Наложив тугую повязку на плечо, она отодвинулась от Хохла и стала напряженно думать, как быть и что делать дальше.

«Куда он везет меня, зачем? Как теперь выкрутиться?»

Ехали долго, часа три, наверное, Марина не могла понять, в какую сторону от города удаляются, потому что водитель все время плутал и крутился по проселку. Наконец он затормозил у небольшого деревянного дома, постучал в перегородку:

– Приехали, Игореха.

Хохол вытащил ее из машины, Коваль краем глаза успела увидеть, что это какой-то поселок, и ворота за ними захлопнулись. Они оказались в огромном дворе, по периметру бегали два здоровых кавказца на толстых цепях, почти такие же, как были у Марины в «Парадизе». Пройти в дом можно было только мимо собак, по выложенным на земле доскам.

– Сама видишь – бежать бесполезно, – вздохнул Хохол. – На ночь я их спущу. Дай мне телефон.

– Зачем?

– Отдай мне мобильник, я не буду повторять.

Марина размахнулась и швырнула трубку прямо к будке одной из собак, а потом насмешливо глянула на Хохла:

– Ой, надо же – упал! Достанешь?

– Издеваешься? Ну-ну, давай.

– Зачем ты меня сюда привез? – зашипела она, вцепившись руками в отвороты его куртки. – Ты думаешь, я не найду способ свалить отсюда?

– Я предупредил тебя, потом не жалуйся. Идем в дом.

– А если я не пойду?

– Я тебя унесу. Пойми – у тебя выхода нет. Давай переждем здесь, пока уляжется вся эта канитель с твоим ментом, потом спокойненько вернемся домой. Будешь жить, как захочешь.

Он потянул ее за собой, цыкнув на псов, моментально отскочивших к будкам, открыл ключом дверь и подтолкнул Марину в прохладные сени.

– Женька, зря ты это замутил, – входя, бросила Коваль. – Ой, как зря... зачем тебе это надо было?

– Да я ни при чем тут, – зашептал вдруг Хохол, прижав ее спиной к стене в темных сенях. – Бес хочет надавить через тебя на мента, чтобы помог ему с кичи одного авторитета вытащить, и потом можешь хоть замуж за него выходить... а я просто увез тебя из города, чтобы ни Бес, ни мент не нашли...

Марина осторожно провела пальцами по его ягодицам, нащупав в заднем кармане джинсов тонкую финку, аккуратно вынула ее и, оттолкнув растерявшегося Хохла, приставила лезвие к своей груди:

– А теперь всю правду, а не эти байки! Иначе – ты меня знаешь, всажу по самое не балуйся, даже не охну!

Хохол хлопнул себя по карману, обнаружил отсутствие любимого инструмента, потом посмотрел на Марину:

– Отдай...

– Я же сказала – выкладывай все, что знаешь, я не шучу. – Она чуть надавила на финку, чувствуя, как лезвие пропоролло водолазку и задело кожу. – Ну?

– Перестань, Маринка, отдай... – Хохол протянул руку, чтобы отнять оружие, но Коваль отошла и сильнее надавила на рукоятку. По животу побежала струйка крови, кружевная водолазка начала промокать, и Хохол страдальчески сморщился: – Не надо... я сказал тебе все, что знал...

– Не верю, – спокойно объявила она, продолжая давить на финку и чувствуя, как вдруг закружилась голова.

– Клянусь чем хочешь – я больше ничего не знаю... Отдай, Маринка...

– Не подходи.

Марине вдруг стало так безразлично, чем кончится все это дерьмо, так пусто в голове и в душе, что даже плакать расхотелось. И стало все равно – жить, умереть...

– Моя сладкая, просыпайся, хватит уже спать. – Где она раньше слышала этот голос? – Давай, киска, сколько можно? Вот умница, глазки открыла...

Марина с трудом разлепила тяжелые веки и посмотрела на говорившего – это был Хохол, небритый, с провалившимися глазами.

– Ну... и рожа... у тебя... – с трудом произнесла она, еле шевеля губами.

– Да, киска, рожа, – бережно целуя ее руку, проговорил он. – Напугала ты меня... шустрая такая, как успела финку вынуть, что я и не почувствовал?

Коваль дотронулась рукой до неприятно ноющей левой груди – на ней была повязка.

– Что это?

– Это ты себе в грудь финку мою всадила, почти на все лезвие... Хорошо, что она у тебя упругая и большая, грудь-то, доктор сказал, а то бы в сердце – и песец... А так только шрам останется. Дура ты, Маринка...

Он поправил на ней рубашку и вышел из комнаты, прикрыв дверь.

«Черт возьми, а я не помню ничего – как здесь очутилась, что за дом, почему за финку схватилась... Надо же – сама себе грудь уделала!»

– Жень! – крикнула она, собрав силы. – Принеси водички...

Хохол вошел с большой кружкой в руках, присел на постель, осторожно поднял ее голову и стал поить. Устав, Марина откинулась на подушку и попросила:

– Сигаретку дай.

– Нельзя тебе.

– А ты со мной покури...

Его глаза радостно блеснули, он мигом сбегал куда-то, принес сигареты, закурил, подвигаясь к ней и прижимая свои губы к ее, чтобы выдохнуть дым в рот.

– В кого же ты превратила меня, киска? – пробормотал он. – Ведь люблю тебя, а вынужден здесь насильно держать... Прости меня, любимая... – И, не давая ей сказать, снова закрыл ее рот своим.

Марина уплывала от его прикосновений, от его рук, обнявших ее и прижавших к себе, от губ, ласкающих ее губы...

– Жень... не надо больше...

– Моя киска... моя любимая девочка. – Он гладил ее по спине, касался губами шеи, спускаясь вниз к груди, осторожно откидывал бретельку с правого плеча. – Я забыл тебя... твой вкус, твой запах... прости меня за все... ложись, моя родная, ты устала...

Он уложил Марину обратно в постель, укрыл одеялом, поцеловал в плечо и пальцами погладил по щеке. Во взгляде было столько вины, что Коваль смутилась – ей и в голову не приходило обвинять Женьку в том, что случилось. Она прекрасно понимала, почему он повел себя так в сложившейся ситуации. Хохол просто не видел выхода, не знал, как удержать ее. Ослепший от любви, он готов был на унижение, на подлость, потому что не мог представить жизни без нее. Умом он понимал, что никакая сила в мире не удержит Марину, если она захочет уйти,

никакие собаки и заборы. Но отпустить ее для него значило потерять смысл жизни. Никогда за свои сорок с небольшим Жека Хохол не ползал на брюхе ни перед кем, а уж тем более – перед женщиной. Никто из тех, кто хорошо знал этого жестокого и изворотливого человека, отсидевшего двенадцать лет, даже представить не мог, на что он способен ради возможности быть рядом с Мариной Коваль.

– Есть хочешь? – спросил он тихо.

– Не хочу. – Она закрыла глаза, и Хохол, подсев к ней, поцеловал опущенные веки, осторожно взяв лицо в ладони.

– Родная моя, хоть чуть-чуть. Давай я покормлю тебя, как маленькую, хочешь?

Есть не хотелось, но и обижать Женьку – тоже, поэтому Марина кивнула, не открывая глаз. Он обрадовался так явно и по-детски, что ей стало его жаль. Коваль прекрасно понимала, что он запутался в своем чувстве, как в паутине, не знал, что сделать, чтобы Марина не ускользала, не отвергала его. Если честно, то с ним ей было намного проще и легче, чем с Ромашиным. Хохол чувствовал Марину кожей, предугадывал каждый шаг, жест, взгляд. Он любил ее просто за то, что она есть в его жизни, сам говорил – единственное светлое воспоминание... Вот и сейчас он вернулся с кухни с тарелкой в руке, сел на край кровати и начал кормить ее борщом. Марина удивилась:

– Откуда?

– Сварил, – улыбнулся он, дуя на ложку. – Что я – не хохол, что ли, чтобы борщ не сварить? Вкусно?

– Да... Ты молодец...

– Ешь тогда. – Хохол посмотрел ласково, и у нее защемило сердце. – погоди, весь лоб мокрый. – Он дотянулся до полотенца на спинке кровати и вытер испарину с Марининого лба. – Тебе плохо?

– Нет, просто слабость какая-то... И грудь больно... – призналась она, подняв руку и положив ее на ноющую под повязкой рану.

– Глупышка ты, такую красоту испортила, – вздохнул Хохол, поправляя рубашку. – Доктор сказал, что шрам будет заметный.

– От этого я стану для тебя менее желанной?

– Я тебя люблю, и мне неважно, как ты выглядишь, – просто сказал он. – Только больше не делай такого, обещаешь?

– Обещаю... спасибо тебе, Женька... ты мне мозги на место вернул, теперь я точно знаю, что никогда и никто не будет любить меня так, как ты, мой мальчик...

– Я ненавижу себя за то, что ты с собой сделала, – уткнувшись лицом ей в грудь, прошептал он. – Я вынул тебя, довел...

– Ты не виноват – ты боролся за право быть со мной, как умел. Я поправлюсь, а шрам... это ведь такая ерунда, Женька. Было время, когда я вся была покрыта этими шрамами... Это мелочи, правда. А мы можем с тобой на улицу выйти? – вдруг попросила Коваль, взяв его за руку. – Просто чуть-чуть подышать...

– Конечно, моя маленькая, я тебя на руках вынесу и по двору поношу, – обрадовался Хохол, подавая ей джинсы и свою водолазку, которая доходила Марине как раз до колен. – Посиди минутку, я только оденусь...

Коваль кое-как заплела в косу волосы, завязав ее узлом на конце, и почувствовала, как устала от этой несложной работы. Слабость была жуткая, мутило, но Марина сцепила зубы, борясь с неприятным ощущением. Вернулся Женька, одетый и с ее курткой в руках.

– Иди ко мне, девочка моя. – Он осторожно надел на Марину куртку, застегнул и поднял на руки. – Держись за шею, кисочка, вот так... Пойдем, моя красавица, подышим воздухом.

– Женька, ты со мной, как с дебильной малолеткой, разговариваешь, – Марина улыбнулась и прижалась носом к его щеке. – Небритый, гад...

– Вечером, киска, побреюсь.

Он носил ее по двору на руках очень долго, иногда целовал в щеку, не в силах удержаться. За ними бродили обе собаки, гремя длинными цепями.

– Зачем такие цепи длинные? – спросила Марина, с сочувствием глядя на измученных духотой зверей, и Хохол, цыкнув на подошедшего слишком близко одноухого кобеля, пояснил:

– Чтобы доставали до любого угла и днем тоже. На ночь-то отпускаю, бегают.

– Женька, тебе тяжело, отпусти меня. – Она погладила его по щеке, небритой и колючей.

– Ни за что. Я боюсь тебя отпустить, мне постоянно кажется, что с тобой что-то случится. Давай посидим на лавке, как дед с бабкой...

– Ага, семечек только не хватает.

Марина устроилась у него на коленях, прижавшись к плечу, Женька осторожно ее обнял, укрыв сверху своей курткой, закурил.

– Дай мне, – попросила она, и он дал затянуться пару раз. – Опять дрянь какая-то?

– «Кэмел», – усмехнулся он, отбирая сигарету. – Ты знаешь, здесь так спокойно и хорошо, что я готов тут остаться насовсем. Заведем с тобой хозяйство...

– Ты только прикинь, как я буду выглядеть под коровой, – серьезно предложила Коваль, и Женька скорчился от смеха. – Да и ты в телогреечке и валенках, да с вилами возле загона с поросятами.

– Ой, прекрати, – попросил сквозь смех Хохол. – Колики начнутся...

– Нет, Женька, мы с тобой люди сугубо городские, куда нам в крестьяне-то.

– Кисуля моя, я же пошутил. Ты не создана для сельской жизни, ты должна в городе жить, ездить в салоны, в рестораны... Ничего, все кончится, и мы вернемся, пошлем на хрен Беса и будем жить сами по себе.

– Не боишься, что я опять свалю? – спросила Марина, дотягиваясь до его уха и кусая за мочку.

– Не боюсь – ты потом все равно вернешься. Я все прощу тебе, все, что хочешь, все, что сделаешь.

– За что ты так любишь-то меня, даже страшно делается?

– За то, что ты есть. Ты ведь знаешь, не было у меня ничего в жизни – ни кола ни двора, только зона. И бабы были только продажные. И вдруг ты... я влюбился, как пацан зеленый. Красавица, умная, желанная, такая в постели, что голову отдать не жалко. Ты мое самое дорогое в жизни, девочка моя, моя киска.

Марина поцеловала его в губы, заставив замолчать:

– Хватит... обними меня, я замерзла...

– Идем домой.

Он отнес ее обратно в комнату, помог раздеться и лечь, потом и сам пришел, осторожно прилег рядом с Мариной:

– Ты не думай, я уйду на ночь, чтобы тебе не мешать.

– Я не хочу, чтобы ты уходил.

– Как скажешь...

Они включили телевизор, стали смотреть новости, из которых Коваль выяснила, что о ее исчезновении говорят в начале каждого выпуска, строя догадки, кому и зачем могло понадобиться похищение. На комментировавшем ход расследования Ромашине не было лица – он искренне переживал случившееся.

– Женька, отец-то мой хоть в курсе, что ничего не случилось? – обеспокоенно спросила Марина.

– Да, я вчера с ним разговаривал, успокоил, сказал, что так нужно было. Ты не переживай, киска, я ж тоже с понятием – Кольке позвонил, научил, что и кому говорить, Ветку тоже

предупредил. – Хохол сдвинул ее майку, осмотрел повязку на груди. – Промокла, черт... Завтра доктора придется везти, опять головняк...

– Не надо доктора, только бинты и перекись. Там что – швы?

– Да, семь штук.

– Офигеть! Меня что, ветеринар штопал?

– Уж кого отловил в местной больничке, тот и штопал, – развел руками Женька. – Выбора не было, ты крови много потеряла. Еще хорошо, что группа у нас одинаковая, так прямо тут и переливали...

– Ты серьезно? Мне перелили твою? – Она подняла на него глаза – Хохол улыбался.

– Да, киска, мы с тобой теперь совсем родня.

– Спасибо тебе... ты в который раз вытаскиваешь меня...

– Только не плачь, ладно? Ведь ты же моя, как я мог не вытянуть тебя, зачем тогда мне жить? Не плачь...

– Женька, я никогда больше... никогда...

– Я знаю, киска, все знаю.

Они прожили в этом поселке почти месяц, никуда не выходя из дома, только Женька иногда ездил за продуктами на стареньком «жигуленке», стоявшем в гараже. Коваль привыкла засыпать и просыпаться с осознанием того, что не надо куда-то бежать, с кем-то разговаривать, кому-то что-то доказывать. Женька ни на шаг не отходил от нее, надышаться не мог, постоянно привозил откуда-то полевые цветы, готовил, не давая даже приблизиться к плите или хотя бы помыть посуду.

– Ты не для этого создана, моя киска, я сам, – говорил он, ласково оттесняя Марину от стола.

– Женя, мне уже стыдно – я все время валяюсь, а ты носишься вокруг меня, как нянька.

– А я и есть нянька, – он мимоходом чмокнул ее в щеку.

Никаких попыток сблизиться с ней он не делал, самое большее, что позволял себе, – поцелуи да еще обнять ночью, бережно прижав к себе. Но и только. Непонятно, почему он так вел себя, но Марине иногда хотелось, чтобы он стал прежним – необузданным, звереющим от одного только прикосновения к ней. Как он терпел столько времени – она не понимала, возможно, просто чувствовал себя виноватым. Но Марина не злилась на него за это, понимая, что рано или поздно все открылось бы и без его вмешательства. Женька просто немного ускорил процесс, испугавшись потерять ее.

– Женька, а что было бы, если бы вдруг я решила все бросить и уйти к Ромашину? – поинтересовалась Марина как-то, сидя у него на коленях и попивая молоко из граненого стакана.

– Что было бы? Да убил бы я тебя – и все. И сам бы за тобой следом, – совершенно спокойно ответил он, прижимая ее к себе. – Ты пойми – что бы мент ни говорил, он всегда ментом останется, это по жизни так. Не бывает исключений. Ну, пожил бы вы с ним какое-то время, а потом начал бы он вспоминать, как с работы вылетел из-за тебя, чего лишился, как семью кинул. Дети опять же... И пошло-поехало – стал бы тебя обвинять во всех неудачах, ругались бы... А ты ведь с гонором, киска, не стала бы терпеть. Вот и подумай. Вы с ним на разных планетах и никогда не сойдетесь.

– Хохол, ты иногда бываешь таким правильным и нудным, что зубы сводит... – Марина допила молоко, которое Женька заставлял ее пить литрами, поставила на лавку стакан. – О господи, так я скоро и в машину сама не влезу – живот помешает.

– Киска, а ты никогда не думала, что ведь сейчас запросто можно родить ребенка? – спросил он вдруг осторожно, помня, как Коваль отреагировала однажды на подобный разговор.

– Не начинай! – Она предостерегающе глянула на него, доставая сигарету. – Что за мания у тебя, дети какие-то... Я вот никогда не думаю об этом, даже не вспоминаю, а ты постоянно

поднимаешь эту тему. Зачем? Мне уже тридцать четыре, поздновато. И потом – головняк лишний, и дело не в самом факте рождения, а в том, что с его помощью на меня легче будет влиять. Баба с ребенком уязвима в сто раз сильнее, потому что материнский-то инстинкт не пропнешь и не спрячешь, если, конечно, ты нормальная. Вот ты только представь себе, что тому же Бесу вдруг взбрело в голову на меня надавить. Пока я одна, я его ласково и недалеко пошлю – и все на этом, а вот будь у меня ребенок – и песец, я соглашусь на все, даже не думая. – Марина выпустила облачко дыма и внимательно посмотрела на притихшего Хохла. – Ну, и после этого как ты думаешь, надо мне ребенка рожать? И ты сам... Ты за меня-то постоянно трясешься, а уж за собственное чадо!

– А при другом раскладе ты от меня родила бы?

– При другом – да.

Тут она тоже не соврала ни на грамм – из Женьки вышел бы сумасшедший папаша, в этом Коваль не сомневалась, и в другой жизни, возможно, она согласилась бы, но не здесь и не сейчас. Страх за близкого человека – самый сильный рычаг давления, это такая простая и банальная истина, этим сплошь и рядом пользуются. Да Коваль и сама отлично помнила, как однажды реализовала подобного рода мероприятие, чтобы убедить несговорчивый совет директоров корпорации «МБК» помочь ей выкупить Егора. Разумеется, она не присылала им отрезанных ушей и отрубленных пальцев, ведь женщина, в конце концов, но и одного только факта похищения хватило, чтобы те уроды начать шевелить задницами. Поэтому все разговоры о детях – лишь пустое сотрясание воздуха. Только вот почему Хохлу вечно приходят на ум эти мысли?..

– Женька, мы долго еще будем торчать в этом колхозе? – спросила она, чтобы сменить неприятную тему, неизменно ведущую к ссорам.

– А тебе не нравится?

– Все хорошо в меру, знаешь ли. – Коваль продемонстрировала ему отросшие ногти, которые давно пора было корректировать. – Видишь? Я в жизни не ходила с таким маникюром.

– Да тут-то тебя кто видит? – удивился Женька.

– Ты – и это уже много, – совершенно серьезно отозвалась она.

– Ой, я не могу! Да я еще не в таком виде тебя наблюдал, уж маникюр-то переживу как-нибудь! Нет, серьезно, киска, потерпи немного еще, пусть Бес без нас свои дела делает, зачем тебе проблемы с ментами? – понизив голос и наклоняясь к ней совсем близко, проговорил он. – Я позвоню ему завтра, узнаю, как дела. Понимаешь, если твой мент не согласится, Бес пойдет на все, начнет тебя прессовать, подлянку какую-нибудь организует – ты ж его знаешь.

– Я только не пойму, чем Ромашин может ему помочь? Я бы на месте Беса сразу меня начала прижимать – брат-то у меня в высоких ментовских кругах, и вот с ним реально в такие игры поиграть, а что такое начальник ГУВД нашего Мухосранска? Так, фигня плюшевая.

– Я в это не лез, мне было важно тебя вытащить, – пробурчал Хохол.

– Совесть гложет? – поинтересовалась Коваль, закрыв глаза и подставив лицо теплому июньскому солнцу.

– Нет такого органа в человеческом теле.

– Это точно.

– Знаешь, я еще потому отсюда уезжать не хочу, что тут ты только моя, только со мной, – признался вдруг Хохол, обнимая Марину. – Странно, мы с тобой даже не гасимся совсем, а мне все равно хорошо. Вот ты сидишь сейчас со мной, просто разговариваешь, и никто бы не подумал, что круче тебя в этом городе только Бес...

– Так тебя только это привлекает? – толкнув его в бок локтем, засмеялась она. – Только то, что в этом городе один ты можешь в любой момент меня на колени поставить и сделать все, что в голову взбредет? Все вы одинаковые – Малыш тоже это любил...

– Не в том дело, – не принял шутки Женька. – Мне, в отличие от твоего Малыша, по фигу, кто ты. Я люблю тебя не за это.

– Не обижайся, я ведь пошутила. Я прекрасно знаю, что тебе без разницы, кто я и что, – обняв его за шею, Марина развернулась к нему лицом и поцеловала. – Да ведь и мне неважно, кто ты, мне с тобой хорошо и спокойно, да и в постели мы находим, чем заняться, правда?

– Киска, не заводь меня, – тихо попросил он, отвечая на поцелуй.

– А может, я сама хочу? Целый месяц, Женька, – для меня это подвиг!

– Хочешь, я баню затоплю? – вдруг предложил он. – Швы-то сняли, теперь можно, а то из тазика поливать надоело.

– Давай, – кивнула Коваль. – Я уже сто лет в обычной бане не была.

– Ну, держись тогда – я парень деревенский, веником здорово работаю.

– Ты-то деревенский? Хоть бы не врал, если не умеешь!

– Серьезно. Я до двенадцати лет с мамкой в деревне жил, это потом она замуж выскочила и в город к хахалю поперлась. Я тогда все просил, чтобы она меня с бабкой оставила, да она уперлась – ни в какую, вроде тебя была. Ну, а в городе пошло-поехало – во дворе компания подобралась лихая, стали потихоньку подворовывать, гулять-то надо было на что-то. – Хохол сплюнул, достал сигареты: – Будешь? – Марина отрицательно кивнула, и он, закулив, продолжил: – Ну, а в четырнадцать я погорел впервые – в магазине сторожа завалили с другом, случайно – думали, что он спит, а он шум поднял, ну, пришлось по башке его... И прямо на ментов выкатились с ящиком портвейна. Прикинь, какая лажа? Ну, на малолетку загремел, потом на взрослую зону ушел, отчалился от звонка до звонка, сама ведь понимаешь – примерным-то мальчиком я никогда не был, все в ШИЗО ошивался. Но школу все-таки закончил в колонии, учиться нравилось. Вышел – мать с отчимом квартиру продали и уехали, даже бабке адрес не оставили. Куда мне было деваться? Прибился к Строгачу, тот пригрел, к себе приблизил. А вскоре снова сел, тогда уже на полную, как рецидивист.

– А ты помнишь, как мента финкой пырнул? – спросила Коваль, вспомнив, как об этом рассказал ей Ромашин.

– Так за то и намотали, – криво усмехнулся Женька. – А потом ты под этого мента легла, киска моя.

Марина чуть не упала с его колен от неожиданности, ей и в голову не приходило, что он помнит, как выглядел тот мент, ведь столько лет прошло.

– Что, киска, удивил я тебя? – прижимая ее к себе, засмеялся Хохол. – А ты думала, что я его морду забыл? Нет, дорогая, не забываются глаза, которые тебе в душу смотрят, когда лезвие в тело входит... Жаль, не наглухо, он верткий оказался.

– Жень, пожалуйста, не надо, – попросила Коваль, уткнувшись лицом ему в шею. – Мне неприятно это слушать.

– А что, киска, влюбилась?

– Чушь не пори – влюбилась! – фыркнула она, слегка укусив его, и Хохол вздрогнул. – Иди давай, топи свою баню, а то уж ночь скоро.

Марина встала с его колен и пошла в дом, а Женька направился к сараю за дровами. Ее почему-то абсолютно не интересовало, чей это дом, живет ли здесь кто-то – она привыкла не грузить себя ненужными подробностями. И дом-то толком ни разу не осмотрела – зачем? Ей было достаточно того, что Женька чувствует себя здесь хозяином, и самой тоже вполне комфортно. Но почему-то именно сегодня Марина захотела все-таки узнать, кому же на самом деле принадлежит домик. И об этом заговорила уже в бане, лежа на полке и вдыхая странный аромат, исходивший от веников, заваренных в тазу.

– Жень, а чей это дом?

– Мой, – спокойно отозвался возившийся с печкой Хохол.

– Ага? – не поверила Коваль, переворачиваясь на бок и глядя на него. – Врешь, поди?

– Зачем? Это мой дом, тут бабка моя живет.

– Что-то я ее не заметила...

– Так ее и нет сейчас, – засмеялся он, подбрасывая в печку еще полено. – У тетки моей гостит, тут километров сорок до соседней деревни. Я, когда началось все, сразу подумал, что сюда тебя привезу, ну, и бабку отправил, чтоб никто не мешал нам с тобой. Ей уж восемьдесят пять, но она еще пятерых молодых заболтает. Не хотел я, чтоб она к тебе с расспросами приставала – кто, да что, да как... «Женечка, внучек, жениться тебе надо, деток рожать!» – передразнил он, и Марина засмеялась. – Что хохочешь? Так и есть – все достает меня, останешься, говорит, один-одинешенек, как я помру, даже родного человека не будет.

– А тетка?

– А чего тетка? У нее своя семья, и потом, ты ж понимаешь – кому нужен такой родственничек, как я?

– Мне. – Она потянулась всем телом и пожаловалась: – Жарко, ужас просто! Зачем натопил так сильно?

– А париться как? – возразил Женька, берясь за веник. – Ну, держись – это тебе не сауна твоя модная, это настоящая русская баня.

Выйти из этого ада на своих ногах Марина не смогла – Хохол так уделал ее веником, что она не чувствовала собственного тела, оно стало ватным, невесомым. Он принес ее в дом, уложил на кровать и пошел париться сам, а Марина мгновенно уснула, едва голова коснулась подушки. Ей приснился Хохол, каким он мог быть, наверное, в детстве – темноволосый, с упрямым выражением лица, со сведенными к переносице бровями. Марине почему-то было смешно от этого видения, и она проснулась от собственного смеха, вздрогнув при виде сидящего напротив на стуле Женьки.

– Фу, черт, напугал!

– Ты так смеялась, киска, как будто клоуна увидела.

– Представляешь, мне ты приснился, маленький... – Марина улыбнулась и посмотрела на него, чуть прищурив глаза.

– Ну, понятно тогда – что может быть смешнее Жеки Хохла?

– Бестолковый ты. Иди ко мне. – Она откинула одеяло, под которым лежала, и похлопала рукой по постели. – Я соскучилась...

Хохол сбросил полотенце и лег к ней, пахнувший березовым веником, свежий и почему-то вдруг такой желанный, что Марина непроизвольно застонала, закусив губу.

– Ты что, киска?

– Я тебя хочу, Женька... так хочу, что сейчас с ума сойду, – призналась она, ложась на него сверху. – Поцелуй меня.

Уговаривать его никогда не приходилось, и потом – здоровый мужик целый месяц был вынужден только смотреть и облизываться, и сейчас дорвался до желаемого...

К сожалению, кровати оказалось не под силу вынести то, что он делал с Мариной, и старая деревянная конструкция со страшным треском развалилась под ними.

– Ну, песец бабкиному ложу! – констатировал Женька, помогая Коваль подняться.

Посмотрев друг на друга и на рухнувшую кровать, они вдруг разразились таким хохотом, что их слышали, наверное, на другом конце поселка. Женька поднял Коваль на руки и закружил по комнате, подбрасывая вверх:

– Что, допрыгалась? Даже койка не вынесла твоих приколов!

– Или, может, твоих? – смеясь, спросила Марина, ухватившись за его шею. – Хватит швырять меня, голова кружится.

Женькины руки гладили ее, и Марина улетала, закрыв глаза. Она никогда и не подозревала, что он может одновременно быть жестким и нежным, то едва прикасаться, а то оставлять синяки, которые сам же потом покаянно целовал и клялся, что больше никогда, ни за что...

...Они лежали на матрасе, брошенном на пол, обнявшись, и целовались.

– Кисулька, понравилось тебе? – хрипло спросил Женька, поглаживая Марину по животу пальцами.

– Ты форменный убийца! – пошутила она, прижав его руку к губам. – Как есть – душегуб! Но я от тебя в восторге...

– Моя ты девочка! – засмеялся он. – Чего ты хочешь сейчас, проси – все сделаю!

– Найди того, кто Егора убил, – тихо и жестко сказала Коваль, ожидавшая этого вопроса долгие месяцы.

– Ну, ты и сука, Наковальня! – не поверил своим ушам Женька, поднимаясь на локте и с удивлением глядя ей в лицо. – Так ты только для этого чудишь здесь в койке? Чтобы я потек и начал киллера искать? Зачем трудилась так, могла бы просто приказать – я не ослушался бы.

– Жень, ты неправ. Это совсем разные вещи, я не трахаюсь в обмен на что-то и не делаю того, что мне противно, ты ведь знаешь. Но ты спросил, чего я хочу, – я сказала.

Он встал с матраса, взял сигарету и открыл окно настежь, затягиваясь глубоко и часто. Щелчком выбросив окурок во двор, Женька повернулся и зло сказал:

– Я это сделаю. Но больше не хочу слышать упоминаний о твоём мажоре, ты поняла? Все, хватит уже – нет его больше, умер он. А я живой, даже если тебе это не нравится, и, пока ты со мной, ты моя.

– Это что сейчас было – декларация независимости Гондураса? – спокойно спросила Марина, сев на матрасе и дотягиваясь до стола, на котором стоял стакан с водой. – Опять забылся, да, Хохол? Ты кому диктуешь? Мне? Мне?!

Он дернулся так, словно схватился за оголенный провод, выскочил из комнаты, шарахнув дверью. Ну, ясно – сейчас нажрется и спать не придет.

Как в воду глядела – Хохол напился до полного изумления, открыл дверку машины и всю ночь пел одну-единственную песню:

«... я тебя люблю за то, что я люблю тебя,
Я тебя люблю за то, что ты не любишь меня,
Я тебя убью, как только я убью тебя...»

– и так всю ночь, мешая спать Марине и измучившись от бессонницы и похмелья.

Она терпела этот маразм, сцепив зубы, считала про себя баранов и овец, пытаясь уснуть, но тщетно – голос настойчиво звучал в мозгу. Естественно, и без Мариной любимой песни «Вольно!» не обошлось – её Женька вылез уже под утро, когда совсем рассвело, да так, что ему встарили собаки, обладавшие менее крепкими, чем у Коваль, нервами.

Сон сморил его только часам к семи, когда нормальные люди встали. Марина добрела до кухни, обнаружила, что кофе остался только растворимый, выматерилась по этому поводу, но выбора-то не было, пришлось пить эту пыль. Совершенно невменяемый Хохол спал в машине, разложив сиденья и накрывшись какой-то дерюжкой, перегаром несло метров за пять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.